

№ 6, 58.
Ж. Мишле.

О СИСТЕМѢ и ЖИЗНИ

В И К О.

ИСТОРИКО-БЮГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОДРОБНАГО ПЕРЕЧНЯ СОДЕРЖАНІЯ
„НОВОЙ НАУКИ“.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
СТУДЕНТА ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Николая Парошоннаго,
подъ редакціей *проф. В. П. Бузескула.*



Изданіе книжнаго магазина А. Д. Карчагина.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.
1896.

КНИЖНЫМЪ МАГАЗИНОМЪ

А. Д. КАРЧАГИНА,

Харьковъ, Московская ул., д. № 6

ИЗДАНЫ И ПРИОБРѢТЕНЫ ЦѢЛЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

- Бородинъ Н.** Весна. Русская жизнь и природа. Сборникъ для дѣтскаго чтенія. М. 1892 г., ц. 1 р. 25 к. Учен. Ком. М. Н. Пр. допущена въ ученич. библіотеки для младш. возр.
- Бузольтъ Г.** Очеркъ государственныхъ и правовыхъ греческихъ древностей. Переводъ съ нѣмецкаго студентовъ Хар. Им. Ун. А (М+В). Одобрень и рекомендованъ Учен. Ком. М. Н. Пр. Съ предисловіемъ и прибавленіями по второму нѣмецкому изданію. Харьковъ. 1894 г., цѣна 1 р. 75 к.
- Лидовъ А. П.** Проф. Харьк. Техн. Инст. Химическая технологія волокнистыхъ веществъ. Съ 28 таблиц. рисунковъ Харьковъ. 1893 г., ц. 3 р.
- Мечъ С. П.** Кавказъ. 3-е изд. М. 1893 г., ц. 50 к. 1-е изданіе Реком. М. Н. Пр.
- Финляндія. Геогр. очеркъ. М. 1887 г., цѣна 50 к. Одобр. М. Н. Пр.
- Альпы. 2-е изд. М. 1888 г., цѣна 30 к. 1-е изданіе реком. М. Н. Пр.
- Сахара и Нилъ. Географ. очеркъ. М. 1888 г., ц. 30 к. Реком. М. Н. Пр.
- Гренландія. Географ. очеркъ страны и разсказъ о путешествіи Ф. Нансена, съ 9-ю рисунками. М. 1891 г., ц. 50 к. Одобр. М. Н. Пр.
- Австралія. Географ. очеркъ. М. 1888 г., цѣна 75 к. Одобр. М. Н. Пр.
- Географія, какъ наука и какъ учебный предметъ. М. 1893 г., ц. 20 к.

Ж. Мишле.

О СИСТЕМѢ и ЖИЗНИ

В И К О.

ИСТОРИКО-БЮГРАФИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПОДРОБНАГО ПЕРЕЧНЯ СОДЕРЖАНІЯ

„НОВОЙ НАУКИ“.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

СТУДЕНТА ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

Николая Парофоннаго,

подъ редакціей *проф. В. П. Бузескула.*



Изданіе книжнаго магазина А. Д. Карчагина.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1896.

На основаніи постановленія Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ отъ 7-го февраля 1896 года, печатать разрѣшается.

Предсѣдатель Историко-Филологическаго Общества проф. М. Дриновъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Проф. Н. И. Карѣвъ въ своемъ рефератѣ: „*Теоретическіе вопросы исторической науки*“¹⁾, дѣлая небольшую характеристику Вико и его „*Новой науки*“, говоритъ: „Впервые съ идеей теоріи историческаго процесса мы встрѣчаемся у писателей XVIII вѣка и ранѣе всѣхъ у Вико, автора прославившейся только въ нашемъ столѣтіи „*Новой науки*“, которая вышла въ свѣтъ въ 1726 г.“ Далѣе уважаемый профессоръ, между прочимъ, прибавляетъ: „Несомнѣнно, что Вико былъ первый, кто поставилъ наукѣ новую задачу—исслѣдовать то, что въ послѣдствіи стали называть историческими законами“.

Какъ видно изъ сказаннаго, система Вико является, если не основаніемъ, то по крайней мѣрѣ, „первымъ словомъ“ теоріи всемірно-историческаго процесса.

Въ нашей литературѣ имѣются большіе, весьма цѣнные труды, напр., „*Основные вопросы философіи исторіи*“ проф. Н. И. Карѣва, „*Опытъ историческаго обзора главныхъ системъ философіи исторіи*“ г. Стасюлевича и пр., гдѣ на-ряду съ другими философско-историческими системами излагается и теорія исторіи Вико, но эти выдающіяся и обширныя русскія сочиненія и другія статьи, не обладая (что очень естественно при ихъ объемѣ и характерѣ) желательной общедоступностью, нисколько не дѣлаютъ лишнимъ изданіе на русскомъ языкѣ отдѣльнаго, всакому доступнаго очерка идей и жизни итальянскаго творца

¹⁾ Читанномъ въ засѣданіи Историч. Общества при Петербургскомъ университетѣ (24 января 1890 г.) и помѣщенномъ въ „*Историко-философскихъ и социологическихъ этюдахъ*“. СПб. 1895. 42 стр.

глубоко интересной въ научно-историческомъ отношеніи системы культурно-соціальной исторіи, тѣмъ болѣе, что Вико принадлежитъ къ числу тѣхъ геніальныхъ мыслителей, идеи которыхъ въ интеллектуальномъ и особенно въ этическомъ и религіозномъ отношеніяхъ такъ высоки, что заслуживаютъ самаго широкаго распространенія.

Принимая это во вниманіе и интересуясь вопросомъ о теоріи исторіи, который и въ наши дни вызываетъ не мало попытокъ разрѣшенія ¹⁾, я перевелъ съ французскаго этюдъ: „*Discours sur le système et la vie de Vico*“, представляющій изъ себя краткое, систематичное изложеніе первой подобной попытки, принадлежащее перу извѣстнаго французскаго историка J. Michelet, и, по желанію издателя, опубликовалъ свой скромный трудъ, имѣя въ виду помимо указаннаго выше соображенія, оправдывающаго русское изданіе отдѣльнаго очерка системы и жизни Вико, отчасти и то, важное съ научной точки зрѣнія обстоятельство, что означенный этюдъ отличается значительной оригинальностью.

Авторъ его ставитъ своею цѣлью, главнымъ образомъ, разъяснить методъ Вико, сдѣлать замѣтнымъ единство плана „Новой науки“ и въ сжатомъ, систематичномъ изложеніи показать безчисленные истины всемірно-историческаго процесса, которыми наполнилъ свою эволюціонную, астрономически ²⁾-стройную и величественную систему пылкій геній Вико. Это видно, какъ изъ самаго этюда Мишле, такъ отчасти и изъ его „*Préface 1. édit. de*

¹⁾ Новѣйшей, достойной вниманія, благодаря важности выводовъ, попыткой въ этомъ духѣ является недавно вышедшій, подъ такимъ-же почти заглавіемъ, какъ и первая по времени геніальная попытка Вико, трудъ Лакомба: „*L'histoire, considérée comme la science*“ (перевед. и на рус. яз.). Критическая оцѣнка этого оригинальнаго сочиненія, сдѣланная проф. Н. И. Картевымъ, помѣщена въ „Историческомъ Обзорѣ“, VIII т. 1895 г., — „Новый трудъ по теоріи исторіи“. Другую рецензію названнаго труда Лакомба интересующіеся могутъ найти въ „Вѣстникѣ Европы“, ноябрь, 1895 г., — „Новая попытка“ Л. Слонимскаго.

²⁾ По мнѣнію проф. М. Н. Петрова, (высказанному въ рѣчи: „Объ отношеніи историческихъ наукъ къ естествознанію“, помѣщенной въ I т. его „Лекцій по Всемирной Исторіи“, стр. IV), на системѣ Вико, представляющей въ исторіи человѣчества круговоротъ періодически совершающихся цикловъ развитія, изъ которыхъ каждый съ неизбѣжною правильностью проходитъ три ступени или періода—божескій или теократическій, героическій или аристократическій и человѣческій или

la Science nouvelle“, гдѣ онъ на слова Монти, что „Новая наука Вико есть бесплодная и дикая гора, которая таитъ въ себѣ золотые рудники“, замѣчаетъ: „Это сравненіе грѣшитъ противъ справедливости. Если бы захотѣли слѣдовать Монти въ этомъ сравненіи, то могли бы жаловаться въ „Новой наукѣ“ не на бесплодіе, но скорѣе на роскошь растительности“, т. е. на массу повтореній, за которыми исчезаетъ въ трудѣ единство плана, сдѣлать замѣтнымъ которое должно быть, по мнѣнію Мишле, задачей того, кто желаетъ представить современной публикѣ систему Вико.

Очень важнымъ для полнаго пониманія идей Вико преимуществомъ переведеннаго произведенія Мишле является и то, что, кромѣ систематично и картинно изложенной теоріи Вико, мы находимъ здѣсь еще начерченную опытной рукой художника его біографію, знакомящую насъ съ высоко-идеальною, но полною невзгодъ жизнью великаго и несчастнаго генія. Высокими чувствами, живой вѣрой въ Провидѣніе и науку былъ проникнутъ этотъ великій человѣкъ до послѣдняго движенія своего чистаго сердца. Возвышеннымъ міросозерцаніемъ Вико запечатлѣна и его геніальная система.

„Безъ сомнѣнія“, говорилъ Мишле, „недалекъ тотъ день, когда имя Вико, занявъ, наконецъ, долженствующее мѣсто, распространить историческій интересъ на все, что онъ написалъ, и когда его ошибки не будутъ въ состояніи убавить его славы; но это время еще не наступило“ (*Préface 1. édit. de la Science nouvelle*).

Это едва-ли преувеличеніе, ибо въ исторіи развитія науки особенно важно указаніе пути, при поступательномъ движеніи по которому возможно ужъ и дальнѣйшее совершенствованіе. Труднѣе всего сказать „первое слово“, сдѣлать новый шагъ; эта работа подъ силу только *передовымъ* геніямъ вѣка. Шагъ такой

цивилизованный, лежитъ печать вліянія его соотечественника и не задолго до его рожденія (1668) сошедшаго въ могилу (†1642) астронома *Гамлея*. Астрономическія идеи, говоритъ проф. М. Н. Петровъ, вообще такъ легко дѣйствующія на умы стройностью и величіемъ законовъ, управляющихъ цѣлымъ мірозданіемъ, легко могли вызвать попытку Вико открыть и въ нравственномъ мірѣ исторіи подобный же неизблемый порядокъ и законообразность.

(историческая критика, идея постоянного совершенствованія человечества, законмѣрность всемірно-историческаго процесса и т. д.) въ исторіи сдѣлалъ Вико, и... онъ безсмертенъ.

Но разумѣется, что болѣе всего за появленіе именно настоящаго этюда на русскомъ языкѣ говорить само имя его автора, которому, какъ первому въ новѣйшее время переводчику и популяризатору сочиненій Вико, мы особенно обязаны и голосъ котораго, какъ выдающагося спеціалиста, еще долго будетъ имѣть компетентность въ вопросѣ объ идеяхъ и жизни итальянскаго мыслителя.

Къ предлагаемому очерку (переведенному съ послѣдняго, исправленнаго и пересмотрѣннаго французскаго изданія сочиненій Мишле I т. Vico) я приложилъ еще переводъ des „*Arguments*“ Мишле, т. е. составленный въ видѣ конспекта подробный перечень содержанія пяти книгъ „Новой науки“.

Николай Пароконный.

Харьковъ.

25 января 1896 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Я издалъ уже трудъ Вико; теперь даю Вико самого, я хочу этимъ сказать—его жизнь, его методъ, тайну преобразованій, черезъ которыя прошелъ этотъ великій умъ. Все это читатели найдутъ или въ мемуарахъ, которые онъ написалъ о своей жизни, или въ другихъ сочиненіяхъ, переводъ коихъ или извлеченіе изъ которыхъ содержитъ нашъ томъ ¹⁾).

Методъ, которому слѣдовалъ Вико, тѣмъ важнѣе для наблюденія, что нѣтъ, можетъ быть, ни одного изслѣдователя, по отношенію къ которому менѣе можно было-бы указать на его предшественниковъ. До него перваго слова не было сказано; послѣ него наука, если и не была создана, то, по крайней мѣрѣ, была основана: принципъ былъ данъ, важныя примѣненія указаны.

Въ чемъ же заключается этотъ принципъ? Заглавный листъ, описаніе котораго читатели сейчасъ прочтутъ, представляетъ изъ себя *живописный* переводъ его. Это тотъ, который Вико помѣстилъ въ началѣ втораго изданія „Новой науки“ (1730 г.).

Женщина съ крылатой головой, съ ногами, покоящимися на шарѣ и на алтарѣ, который его поддерживаетъ,—это философія, метафизика. Этотъ шаръ есть соціальный міръ, основанный на религіи брака и могилъ, иначе говоря на безпре-

¹⁾ Вико. I томъ сочиненій *Милле* (на фр. яз.).

рывности семействъ; на это и указываетъ факель, пирамида и т. д. Соціальная философія стремится изъ міра, какъ-бы для того, чтобы подняться къ Богу, своему создателю ¹⁾. Изъ божественнаго взора исходитъ лучъ, который, отражаясь въ ней, падаетъ и освѣщаетъ статую слѣпца—Гомера, представляющаго народный геній, инстинктивную поэзію народовъ, откуда должна выйти ихъ цивилизація. Старая, растрескавшаяся статуя держится на разрушающемся основаніи; кажется, что лучъ, освѣщая ее, уничтожаетъ своимъ свѣтомъ. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ Гомеръ, въ которомъ думали видѣть одного человѣка, какъ человѣкъ, долженъ погибнуть, расплавиться при свѣтѣ факела новой критики; скажемъ лучше—скорѣе онъ разростется, сдѣлается существомъ коллективнымъ, школой поэтовъ, рапсодовъ, гомеридовъ; что я говорю школой?—народомъ, греческимъ народомъ, рапсоды котораго занимались только повтореніемъ, модуляціей поэтическихъ преданій.

Греческій поэтъ является только примѣромъ. Такое же значеніе имѣетъ каждый первоначальный поэтъ у всякаго другаго народа, такое же—и тотъ или другой изъ древнихъ законодателей. Нума или Ликургъ, Миносъ или Гермесъ могъ бы фигурировать здѣсь, какъ Гомеръ. Законодательства, религіи точно такъ же, какъ и литература, составляютъ произведеніе, выраженіе мысли народовъ. Здѣсь я прошу позволенія процитировать на минуту самого себя.

¹⁾ Первая идея такого символическаго образа принадлежитъ Платону и Данте. Она, кажется, заимствована изъ стиховъ „Рая“. „Какъ птица въ своемъ нѣжно-любимомъ лиственномъ гнѣздышкѣ приходитъ въ раздраженіе вслѣдствіе наступленія ночи, которая мѣшаетъ ей видѣть свой высѣдъ и отправиться за пищей для него, и опережаетъ время, выходитъ изъ вѣтвей, ждетъ и смотритъ съ страстнымъ желаніемъ увидѣть, когда, наконецъ, зарумянится заря. Такъ и та, которую я люблю, стояла внимательная... Что же касается меня, то я, видя ее задумавшеюся и полною стремленій, сдѣлался подобенъ тому, кто хотѣлъ бы еще другаго и кто однако наслаждается надеждой“. (Рай, п. XXIII). „Я смотрѣлъ въ глаза той, которая привела въ рай мою мысль; и подобно тому, какъ человѣкъ, который видитъ въ зеркалѣ изображеніе факела, зажженного позади него, прежде, чѣмъ увидѣть самый факель, оборачивается, сравниваетъ и видитъ, что пламя и зеркало согласуются, какъ въ пѣснѣ мелодія и слова,—такъ и я былъ пораженъ“. (Тамъ же, п. XXVIII).

„Названіе „*Scienza nuova*“ (Новая наука) равнозначуще заглавію „*человѣчество есть произведение самою себя*“. Богъ дѣйствуетъ на него, но черезъ него. Человѣчество божественно, но не существуетъ вовсе божественнаго человѣка. Эти мифическіе герои, эти Геркулесы, рука которыхъ отдѣляетъ горы, эти Ликурги и эти Ромулы—энергичные законодатели, которые въ жизни одного человѣка соединяють долгую работу вѣковъ, суть созданія народной мысли. Одинъ только Богъ великъ. Когда человѣкъ захотѣлъ имѣть *людей-боговъ*, то ему необходимо было собрать поколѣнія въ одну личность, резюмировать въ одномъ героѣ концепціи цѣлаго поэтическаго цикла. Такою цѣною онъ создалъ себѣ историческіе идолы, Ромуловъ и Нумъ. Народы оставались распростертыми предъ этими гигантскими тѣнями. Философъ ихъ поднимаетъ и говоритъ имъ: То, что вы почитаете, это вы сами, это ваши собственныя концепціи... Тѣ странные и необъяснимые образы, которые носились въ воздухѣ, предметъ ребяческаго удивленія, становятся доступными нашему пониманію. Они выходятъ изъ поэзіи, чтобы войти въ науку. Чудеса индивидуальнаго генія распредѣляются по общему закону. Критика нивелируетъ человѣческій родъ. Но этотъ историческій радикализмъ не доходитъ до того, чтобы упразднить великихъ людей. Есть между ними, безъ сомнѣнія, такія лица, которыя властвуютъ надъ толпой—благодаря уму или положенію,—но ихъ чело не скрывается болѣе за облаками, они не принадлежатъ къ другому, особенному роду; человѣчество во всей своей исторіи можетъ узнать себя, единое и тождественное съ самимъ собою“ ¹⁾).

Соціальная наука ведетъ свое начало съ того дня, когда эта великая мысль была выражена въ первый разъ. До того времени человѣчество полагало, что его прогрессъ подверженъ случайностямъ индивидуальнаго генія. Такъ какъ перевороты въ политикѣ, въ религіи, въ искусствѣ приписывались необъяснимому превосходству нѣсколькихъ лицъ, то оставалось только удивляться этому, не понимая; исторія была бесплоднымъ зрѣ-

¹⁾ Римская исторія. Мишле.

лицемъ и самое большее—занимательной фантасмагоріей. Такъ какъ факты представлялись, какъ нѣчто индивидуальное и не имѣющее общаго значенія, то не возможно было вывести изъ нихъ законовъ, извлечь изъ нихъ выводовъ.

Каково же вліяніе личности? Въ какой степени человѣкъ миѣическій, человѣкъ коллективный, человѣкъ индивидуальный могутъ быть разсматриваемы, какъ выраженіе, какъ символъ цивилизаціи, эпохи? Это важный вопросъ. Его касаются наука, мораль, религія. Конечно, мы не имѣемъ возможности въ краткомъ предисловіи разсуждать объ этомъ обширномъ предметѣ. Можетъ быть въ другомъ мѣстѣ мы попытаемся сказать, что такое символизмъ; установить критику этого опаснаго и плодотворнаго принципа; объяснить, какъ двѣ школы, символическая и антисимволическая, та, которая обобщаетъ и та, которая индивидуализируетъ, споря между собой, контролируя, уравнивая одна другую, равно необходимы для науки, которой ихъ равномерное колебаніе даетъ жизнь, какъ равновѣсіе общей и индивидуальной жизни составляетъ жизнь природы.

Но вернемся къ нашему предмету. Біографическіе мемуары Вико представляютъ многимъ читателямъ менѣе интереса въ сравненіи съ тѣмъ, какой, можетъ быть, они ожидаютъ найти ¹⁾. Жизнь великаго изобрѣтателя есть почти только исторія его идей. Тутъ нѣтъ приключеній, мало анекдотовъ. Вико не выѣзжалъ почти изъ Неаполя. Онъ родился и состарился бѣднякомъ въ исполненіи невидныхъ обязанностей преподаванія; онъ былъ счастливъ и признателенъ, когда вельможи, испанскіе или австрійскіе правители оказывали ему особую честь, заказывая ему рѣчь, эпитафію и эпиталямю. Что умъ, столь независимый оказывалъ столько уваженія и удивленія по отношенію къ сильнымъ,—это составляетъ контрастъ, который можетъ удивить лишь тѣхъ, кто не знаетъ Италіи.

Хвастливая униженность, мелкое академическое тщеславіе, блестящія похвалы толпы знаменитыхъ неизвѣстностей,—это

¹⁾ Мы приводимъ предварительныя сообщенія изъ перваго изданія о жизни и трудахъ Вико, рискуя впасть въ повтореніе нѣкоторыхъ біографическихъ подробностей, которыя читатели найдутъ въ „Жизни Вико“, написанной имъ самимъ.

можно найти въ жизни всѣхъ ученыхъ той эпохи. Среди такихъ мелочей, которыми Вико самъ считалъ себя серьезно занятымъ, мы замѣчаемъ, что его единственнымъ дѣломъ было преслѣдованіе своей великой идеи. Нужно только видѣть, какъ издалека онъ шелъ, съ какимъ трудомъ онъ взбирался ногами и руками на неровную и уединенную тропинку своего открытія, поднимаясь каждый день въ неизвѣстную область, не встрѣчая никакого другого соперника въ превосходствѣ, кромѣ самого себя, видоизмѣняясь и, какъ говоритъ Данте, возвышаясь надъ человѣческой природой, и развиваясь по мѣрѣ того, какъ онъ подымался; какъ, наконецъ, когда онъ взмошелъ, когда онъ обернулся и сѣлъ, оказалось, что онъ въ одну человѣческую жизнь взялъ приступомъ всю науку.

Все несчастье въ томъ, что, прибывъ туда, онъ оказался одинокимъ; никто не могъ его болѣе понимать. Оригинальность идей, странность языка, равнымъ образомъ изолировали его. Обобщая свои обобщенія, формулируя, концентрируя свои формулы, онъ употреблялъ послѣднія, какъ извѣстные выраженія. Съ нимъ случилось противоположное тому, что съ семью спящими отроками въ Эфесѣ. Онъ забылъ языкъ прошлаго времени, онъ умѣлъ говорить только языкомъ будущаго. Но, если это было тогда слишкомъ рано, то теперь это, можетъ быть, ужъ очень поздно. Для этого великаго и несчастнаго генія время никогда не приходило.

Вико очень часто былъ виновенъ въ томъ, что онъ стиралъ слѣды своего пути по мѣрѣ того, какъ подвигался впередъ. Отсюда видимая странность его результатовъ. Между тѣмъ его прекрасная и остроумная полемика противъ школы Декарта, противъ злоупотребленія геометрическимъ методомъ, противъ критическаго духа, который грозилъ иссушить и уничтожить всю литературу, все искусство, всякій геній изобрѣтенія,—вообще вся эта отрицательная сторона имѣетъ не менѣе оригинальности, чѣмъ другая; она ее подготавливаетъ и съ ней тѣсно связана. Въ своихъ „Разсужденіяхъ“ Вико нападаетъ на картезіанскій критеріумъ индивидуальнаго чувства. Въ опытѣ о „Единствѣ принципа права“, въ небольшой книжкѣ по „Фило-

софіи языковъ“, наконецъ, въ „Новой наукѣ“ онъ требуетъ права здраваго смысла человѣческаго рода. Мы только-что отмѣтили здѣсь общее развитіе его метода; но сколько остроумныхъ взглядовъ мы могли-бы указать въ деталяхъ! Сужденіе о Данте, оцѣнка достоинствъ и недостатковъ французскаго языка, размышленія о воспитаніи, столь примѣнимыя еще и теперь и столь удивительныя по своей простотѣ и по глубинѣ, были бы достаточны для того, чтобы показать весь тотъ здравый смыслъ, который заключается въ гениі.

О системѣ и жизни Вико.

Въ быстромъ критическомъ движеніи, сообщенномъ Декартомъ философіи, общество не могло замѣтить, кто оставался внѣ этого движенія. Вотъ почему имя Вико еще такъ мало извѣстно по сю сторону Альпъ ¹⁾. Въ то время, какъ толпа слѣдовала картезіанской реформѣ или вела борьбу съ нею, уединенный геній основывалъ философію исторіи. Не будемъ обвинять современниковъ Вико въ равнодушіи къ нему; попытаемся лучше объяснить это и показать, что „Новая наука“ была въ такомъ пренебреженіи въ теченіе послѣдняго столѣтія только потому, что она относилась къ нашему.

Естественный ходъ развитія человѣческаго духа таковъ: *сначала узнать и потомъ судить, распространяться во внѣшнемъ мірѣ и углубляться позднѣе въ самого себя, ссылаться на общее мнѣніе и подвергать его изслѣдованію индивидуальнаго разума.* Культивируемый въ первый періодъ религіей, поэзіей и искусствами онъ собираетъ факты, изъ которыхъ философія въ будущемъ когда-либо должна сдѣлать надлежащее употребленіе. Существуетъ уже чувство пользы истинъ, но науки еще нѣтъ. Нужно, чтобы явился какой-либо Сократъ или Декартъ и спросилъ у человѣческаго духа, по какому праву онъ владѣетъ этими истинами? и чтобы упорныя нападенія безпощаднаго

¹⁾ Это справедливо по отношенію къ тому времени, когда писалъ Мишле; теперь имя Вико хорошо извѣстно всюду. Прим. перев.

скептицизма принудили его присвоить ихъ себѣ, защищая ихъ. Человѣческій духъ, такимъ образомъ обезпокоенный въ обла- даніи вѣрованіями, которыя наиболѣе близко касаются его бытія, презираетъ нѣкоторое время всякое знаніе, которое ему внутреннее его чувство не можетъ засвидѣтельствовать; но съ того времени, какъ онъ утвердится, онъ выйдетъ изъ внутренняго міра съ новыми силами, чтобы приняться за изу- ченіе фактовъ историческихъ; продолжая отыскивать истину онъ не будетъ болѣе пренебрегать правдоподобнымъ, и филосо- фія, сравнивая и повѣряя одно посредствомъ другого, индиви- дуальный разумъ съ разумомъ общимъ, обвинетъ въ изученіи человѣка изученіе цѣлаго человѣчества.

Эта послѣдняя эпоха начинается въ наше время. Чтó насъ въ высшей степени отличаетъ, это, какъ мы говоримъ теперь, наше *историческое направленіе*. Мы желаемъ уже, чтобы факты были истинны въ ихъ малѣйшихъ деталяхъ; та же самая любовь къ правдѣ должна насъ привести въ отысканіи отноше- ній между явленіями къ наблюденію надъ законами, которые ими управляютъ, и, наконецъ, къ испытанію, не можетъ ли исторія быть приведена къ научной формѣ.

Эту цѣль, къ которой мы постоянно приближаемся, проро- ческій геній Вико намѣтилъ намъ еще задолго до нашего вре- мени. Его система является предъ нами въ началѣ послѣдняго столѣтія, какъ поразительный протестъ той стороны человѣче- скаго духа, которая основывается на *мудрости прошлаго*, со- храненной *въ религіяхъ, въ языкахъ и въ исторіи*, на этой *народной мудрости—матери философіи* и, не смотря на это, очень часто непризнаваемой этой послѣдней. Было естественно, что этотъ протестъ вышелъ изъ Италіи. Такъ какъ, не смотря на тонкій геній Кардана и Джіордано Бруно, скептицизмъ тамъ не урегулировался реформаціей въ своемъ развитіи, то онъ не могъ пользоваться тамъ ни продолжительнымъ, ни об- щимъ успѣхомъ. Прошрое, всецѣло связанное съ дѣломъ религіи, тамъ сохраняло свою силу. Католическая церковь ссылалась на свое постоянное существованіе въ спорахъ съ про- тестантами и, слѣдовательно, рекомендовала изученіе исторіи и

языковъ. Науки, которыя въ средніе вѣка нашли себѣ убѣжище и слились въ нѣдрахъ религіи, чувствовали въ Италіи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другихъ мѣстахъ, хорошія и дурныя слѣдствія раздѣленія труда; если большая часть наукъ обнаружили менѣе развитія, зато всѣ онѣ остались соединенными. Южная Италія особенно сохраняла этотъ духъ универсальности, который характеризовалъ геній Великой Греціи. Въ древности пифагорейская школа соединяла метафизику и геометрію, мораль и политику, музыку и поэзію. Въ тринадцатомъ столѣтіи „Ангелъ школы“ прошелъ циклъ человѣческихъ знаній, чтобы согласить доктрины Аристотеля съ ученіемъ церкви. Въ семнадцатомъ вѣкѣ правовѣды Неаполитанскаго королевства оставались только одни вѣрными этому древнему опредѣленію заповѣдья: *scientia rerum divinarum atque humanarum*. Именно въ такой странѣ должны были попытаться въ первый разъ слить всѣ знанія, имѣющія своимъ предметомъ человѣка, въ одну обширную систему, которая сближала бы одну съ другой исторію фактовъ и исторію языковъ, освѣщая ту и другую новой критикой, и которая согласовала бы философію и исторію, науку и религію.

Тѣмъ не менѣе было бы трудно понять это явленіе, если бы Вико самъ не познакомилъ насъ съ тѣмъ, какіе труды подготовили концепцію его системы („Жизнь Вико“, написанная имъ самимъ). Подробности, которыя читатели сейчасъ прочтутъ объ этомъ, извлечены изъ этого неоцѣненнаго памятника.

Жанъ Баттиста Вико, родившійся въ Неаполѣ отъ одного бѣднаго книгопродавца въ 1668 году, получилъ воспитаніе того времени: оно состояло въ изученіи древнихъ языковъ, схоластики, теологіи и законовѣднія. Но Вико слишкомъ любилъ обобщенія, чтобы заниматься съ любовью практикой права. Онъ велъ тяжбу одинъ только разъ, чтобы защитить своего отца, выигралъ дѣло и отказался отъ адвокатуры; ему было тогда шестнадцать лѣтъ. Немного времени спустя необходимость заставила его взять на себя трудъ преподаванія права племянникамъ епископа Искіи. Удалившись въ чудное

уединеніе Ватоллы, онъ тамъ въ теченіе 9 лѣтъ свободно слѣдовалъ по тому пути, который ему намѣтилъ его геній, и дѣлилъ время между занятіями поэзіей, философіей и законовѣдѣніемъ. Его учителями были римскіе законовѣды, божественный Платонъ и тотъ Данте, съ которымъ онъ самъ имѣлъ столько сходства по своему меланхолическому и пылкому характеру. Еще показываютъ маленькую библіотеку одного монастыря, гдѣ онъ работалъ и гдѣ, можетъ быть, у него зародилась первая мысль о „*Новой наукѣ*“.

„Когда Вико возвратился въ Неаполь (говоритъ онъ самъ), онъ увидѣлъ себя чужимъ въ своемъ отечествѣ. Философія была изучаема только по „*Размышленіямъ*“ Декарта и по „*Разсужденію о методѣ*“, въ которомъ онъ осуждаетъ занятія поэзіей, исторіей и краснорѣчіемъ. Платонизмъ, который въ XVI столѣтіи такъ счастливо ихъ вдохновлялъ, который, такъ сказать, воскресилъ тогда древнюю Грецію въ Италіи, былъ удаленъ въ пыль монастырей. Что касается права, то комментаторы новаго времени были предпочитаемы древнимъ толкователямъ. Поэзія, испорченная притворствомъ, жеманствомъ, перестала черпать изъ потоковъ Данте, изъ прозрачныхъ ручьевъ Петрарки. Даже латинскимъ языкомъ занимались мало, наука и литература одинаково владели вялое существованіе“.

Это потому, что народы, равно какъ и индивидуумы, не отказываются безнаказанно отъ своей оригинальности. Итальянскій геній хотѣлъ слѣдовать философскому толчку Франціи и Англіи и уничтожалъ самъ себя. Истинно итальянскій духъ не могъ подчиниться этому второму наводненію Италіи иностранцами. Въ то время, какъ весь вѣкъ обращалъ жадные взоры къ будущему и бросался на новые пути, которые открывала ему философія, Вико имѣлъ мужество возвратиться къ этой, столь презираемой, старинѣ и отождествить себя съ нею. Онъ закрылъ комментаторовъ и критиковъ и принялся изучать оригиналы, какъ это дѣлали въ эпоху возрожденія наукъ.

Подкрѣпленный этимъ глубокимъ изученіемъ, онъ осмѣлился напасть на картезіанство, не только на его догматическую

часть, которая сохраняла мало довѣрія, но также и на его методъ, который принимали даже его противники и благодаря которому оно царило въ Европѣ. Нужно видѣть въ „Разсужденіи“, гдѣ онъ сравниваетъ методъ преподаванія, которому слѣдовали современники, и методъ преподаванія древнихъ¹⁾, съ какою проникательностью онъ отмѣчаетъ неудобства перваго! Нигдѣ злоупотребленія новой философіей не подвергались нападенію съ большею силою и умѣренностью: отвращеніе къ историческимъ изслѣдованіямъ, презрѣніе здраваго смысла человѣчества, манія превращать въ искусство то, что должно быть предоставлено индивидуальному уму, примѣненіе геометрическаго метода къ вещамъ, которыя менте всего допускаютъ строгое доказательство и т. д. Но въ то же время этотъ великій умъ, далекій отъ того, чтобы стать въ ряды слѣпыхъ поносителей картезіанской реформы, открыто признавалъ ея благотѣльную сторону: онъ смотрѣлъ съ слишкомъ высокой точки, чтобы удовольствоваться какимъ-нибудь неполнымъ разрѣшеніемъ вопроса. „Мы многимъ обязаны Декарту, который призналъ индивидуальный разумъ за правило истины; было слишкомъ унижительно рабствомъ заставлять полагаться во всемъ на авторитетъ. Мы ему многимъ обязаны за желаніе подчинить мысль методу; порядокъ схоластиковъ былъ только безпорядкомъ. Но желать, чтобы царило одно только сужденіе индивидуума, желать подчинить все геометрическому методу—значитъ впасть въ противоположную крайность. Пора было бы отнынѣ занять среднее положеніе: слѣдовать индивидуальному сужденію, но съ долженствующимъ вниманіемъ по отношенію къ авторитету, примѣнять методъ, но методъ различный сообразно природѣ вещей“²⁾.

1) Онъ тамъ предлагаетъ научную проблему: „нельзя-ли воодушевить однимъ и тѣмъ же духомъ все знаніе божеское и человѣческое такъ, чтобы науки подали бы другъ другу руку, такъ сказать, и чтобы нынѣшній университетъ представлялъ Платона или Аристотеля со всѣмъ тѣмъ знаніемъ, которое мы имѣемъ сверхъ того, что знали древніе.

2) Отвѣтъ на статью „Литературнаго журнала Италіи“, гдѣ нападали на книгу: „De antiquissima Italorum sapientia ex originibus linguae latinae eruenda“ 1711.

Тотъ, кто указаль для истины двойной criterium разума индивидуальнаго и разума общаго, находился съ тѣхъ поръ на особой дорогѣ. Труды, которые онъ публиковаль съ той поры, не имѣютъ болѣе полемическаго характера. Это публичныя рѣчи, мелкія сочиненія, гдѣ онъ высказываетъ отдѣльно свои различныя мнѣнія, которыя онъ долженъ былъ позднѣе соединить въ своей великой системѣ. Одно изъ этихъ сочиненій озаглавлено: „Опытъ системы законовѣдѣнія, въ которомъ гражданское право римлянъ объясняется переворотами въ ихъ правленіи“. Въ другомъ онъ берется доказать, что *итальянская мудрость самыхъ отдаленныхъ временъ можетъ быть открыта въ латинской этимологіи*. Это полный трактатъ метафизики, помѣщенный въ исторіи языка ¹⁾. Тѣмъ не менѣе можно сдѣлать надъ этими первыми трудами Вико наблюденіе, показывающее весь тотъ путь, который ему нужно было пройти, чтобы притти къ „Новой наукѣ“: дѣло въ томъ, что Вико приписываетъ мудрость римскаго законовѣдѣнія и мудрость, которую онъ открываетъ въ языкѣ древнихъ италійцевъ, генію законовѣдцовъ или философовъ вмѣсто того, чтобы объяснить ее, какъ онъ дѣлаетъ позднѣе, инстинктивной мудростью, которую Богъ даетъ націямъ. Онъ полагаетъ еще, что итальянская цивилизація и римское законодательство были занесены въ Италію изъ Египта или изъ Греціи.

До 1719 года изслѣдованіямъ Вико недоставало единства; его любимыми авторами до тѣхъ поръ были Платонъ, Тацитъ и Бэконъ и никто изъ нихъ не могъ дать ему этого единства: „Второй (т. е. Тацитъ) разсматриваетъ человѣка такимъ, каковъ онъ есть; первый, (т. е. Платонъ) такимъ, каковъ онъ долженъ быть; Платонъ созерцаетъ добродѣтельное съ точки зрѣнія спекулятивной мудрости; Тацитъ наблюдаетъ полезное съ точки зрѣнія практической мудрости. Бэконъ соединяетъ эти два характера (cogitare, videre). Но Платонъ ищетъ въ народной мудрости Гомера скорѣе украшенія, чѣмъ основанія

¹⁾ Это единственная работа, идеи которой вовсе не были внесены въ „Новую науку“.

для своей философіи; Тацитъ разсѣваетъ свою философію вслѣдъ за событіями. Бэконъ въ томъ, что касается законовъ, не дѣлаетъ достаточно абстракціи временъ и мѣстъ, чтобы достигнуть самыхъ высшихъ обобщеній. Гроціи имѣетъ преимущество, котораго имъ недостаетъ: онъ включаетъ въ свою систему всеобщее право, философію и теологію, основывая все это на исторіи фактовъ, истинныхъ или баснословныхъ, и на исторіи языковъ.

Чтеніе Гроція упрочило воззрѣнія Вико и опредѣлило концепцію его системы. Въ рѣчи, произнесенной въ 1719 году, онъ трактовалъ о слѣдующемъ предметѣ: „Элементы всякаго божескаго и человѣческаго знанія могутъ быть сведены къ тремъ: *знаніе, хотѣніе, мочь*“. Единственный принципъ ихъ—*умъ*. Умственный взоръ, т. е. разумъ, получаетъ отъ Бога свѣтъ вѣчной истины. Всякая наука исходитъ отъ Бога, возвращается къ Богу, существуетъ въ Богѣ¹⁾. И Вико взялъ на себя трудъ доказать ложность всего, что удаляется отъ этого ученія. Это значило, говорили нѣкоторые, обѣщать болѣе чѣмъ Пико Мирандола, когда онъ выставилъ свои тезисы: „*de omni scibili*“. Дѣйствительно, Вико могъ въ своей рѣчи показать только философскую часть своей системы и былъ принужденъ пропустить въ ней доказательства, т. е. всю филологическую часть. Буду-

¹⁾ Omnis divinae atque humanae eruditionis elementa tria, nosse, velle, posse quorum principium unum mens; cuius oculus ratio; cui aeterni veri lumen prae; bet Deus...—Haec tria elementa, quae tam existere, et nostra esse, quam nos vivere certo scimus, una illa re, de qua omnino dubitare non possumus, nimirum cogitatione explicemus: quod quo facilius faciamus, banc tractationem universam divido in partes tres: quarum prima omnia scientiarum principia a Deo esse: in secunda, divinum lumen, sive aeternum verum per haec tria, quae propositimus elementa omnes scientias permeare: easque omnes una arctissima complexione colligatas alias in alias dirigere, et cunctas ad Deum ipsarum principium revocare: in tertia, quidquid usquam de divinae ac humanae eruditionis principiis scriptum, dictumve sit, quod cum his principiis congruerit, verum; quod dissenserit, falsum esse, demonstramus. Atque adeo de divinarum atque humanarum rerum notitia haec agam tria, de origine, de circulo, de constantia; et ostendam, origine, omnes a Deo provenire; circulo, ad Deum redire omnes; constantia, omnes constare in Deo, omnesque eas ipsas praeter Deum tenebras esse et errores (Grotius).

чи, такимъ образомъ, поставленъ въ счастливую необходимость изложить всѣ свои идеи, онъ не замедлилъ опубликовать два опыта, озаглавленные: „Единство принципа общаго права“ (1720);—„Гармонія науки правовѣда“ (*De constantia jurisprudentis*), т. е. согласіе философіи и филологіи (1721). Немного спустя (1722) онъ выпустилъ въ свѣтъ примѣчанія къ этимъ двумъ произведеніямъ, гдѣ онъ примѣнялъ къ Гомеру новую критику, принципъ которой онъ раньше изложилъ въ этихъ работахъ.

Однако эти различные сочиненія не составляли единой цѣльной доктрины; онъ предпринялъ слить ихъ въ одномъ трудѣ, который появился въ 1725 г. подъ заглавіемъ: „Принципы новой науки относительно общей природы націй, при посредствѣ которыхъ открываются новые принципы естественнаго права людей“. Это первое изданіе „Новой науки“ есть также и послѣднее слово автора, если разсматривать основу его идей. Но онъ совершенно измѣнилъ форму ихъ въ другихъ изданіяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ при его жизни. Въ первомъ онъ слѣдуетъ еще аналитическому методу ¹⁾. Оно безконечно превосходитъ другія по ясности. Тѣмъ не менѣе преимущественно въ изданіяхъ 1730 и 1744 г. всегда искали генія Вико. Онъ тамъ начинаетъ съ аксіомъ, выводитъ изъ нихъ

¹⁾ Вико самъ очень хорошо показалъ развитіе своего метода: „Что мнѣ не нравится въ моихъ книгахъ по общему праву (*De juris uno principio* и *De constantia jurisprudentis*), такъ это то, что я отправляюсь изъ идей Платона и другихъ великихъ философовъ, чтобы низойти къ изслѣдованію ограниченныхъ и тупыхъ умовъ первыхъ людей, которые основали языческое человечество—тогда какъ я долженъ былъ бы слѣдовать совершенно противоположнымъ путемъ. Отсюда ошибки, въ которыя я впалъ въ извѣстныхъ вещахъ. Въ первомъ изданіи „Новой науки“ я ошибался, если не въ содержаніи, то, по крайней мѣрѣ, въ порядкѣ, которому я слѣдовалъ. Я трактовалъ о принципахъ идей, отдѣляя ихъ отъ принциповъ языковъ, которые, естественно, соединены между собою. Я говорилъ о методѣ, свойственномъ „Новой наукѣ“, отдѣляя его отъ принциповъ идей и принциповъ языковъ“ (Прибавленія къ предисловію „Новой науки“, опубликованныя съ другими неизданными трудами Вико М. Антоніемъ Джіордано, 1818). Прибавимъ къ этой критикѣ, что въ первомъ изданіи онъ высказываетъ относительно человѣчества надежду на постоянное совершенствованіе. Эта идея, которую столько другихъ философовъ должны были воспроизводить, не появляется болѣе въ послѣдующихъ изданіяхъ.

всѣ частныя мысли и старается слѣдовать геометрическому методу, который этотъ предметъ не всегда допускаетъ. Не смотря на неясность результатовъ, которая отсюда выходитъ, не смотря на постоянное употребленіе странной терминологіи, объяснять которую авторъ часто не считаетъ нужнымъ, въ цѣломъ системы, представленной такимъ образомъ, есть *существенное величіе и мрачная поэзія*, напоминающая поэзію Данте. Мы перевели съ сокращеніями изданіе 1744 г. Но въ изложеніи системы, каковое читатели сейчасъ прочтутъ, мы часто приближались къ методу, которому авторъ слѣдовалъ въ первомъ изданіи и который, какъ намъ казалось, болѣе подходитъ къ французской публикѣ.

Въ томъ безконечномъ разнообразіи дѣйствій и мыслей, нравовъ и языковъ, которое представляетъ намъ исторія человѣка, мы находимъ часто тѣ же самыя черты, тѣ же самыя характеры. Націи, самыя отдаленныя по времени и по мѣсту, идутъ въ политическихъ переворотахъ, въ переворотахъ языка путемъ замѣчательно аналогичнымъ. Отдѣлить постоянныя явленія отъ случайныхъ и опредѣлить общіе законы, которые управляютъ первыми; начертить общую, вѣчную исторію, которая является во времени подъ формой исторій частныхъ; описать идеальный кругъ, въ которомъ вращается реальный міръ: вотъ предметъ „Новой науки“. Она составляетъ вмѣстѣ и философію, и исторію человѣчества.

Она заимствуетъ свое единство изъ религіи, начала производящаго и охраняющаго общество. До сихъ поръ говорилось только объ естественной теологіи; новая наука есть теологія социальная, историческое обнаруженіе Провидѣнія, исторія уставовъ, посредствомъ которыхъ безъ вѣдома людей и часто противъ ихъ воли Оно управляло великой общиной человѣческаго рода. Кто не почувствуетъ божественнаго удовольствія въ своемъ смертномъ тѣлѣ, когда мы будемъ созерцать этотъ міръ націй, столь разнообразный по характерамъ, времени и мѣсту, въ единообразіи божественныхъ идей?

Другія науки занимаются руководством и совершенствованіемъ человѣка; но ни одна еще не имѣетъ своимъ предметомъ познаніе принциповъ цивилизаціи, откуда онѣ всѣ произошли. Наука, которая открыла бы намъ эти принципы, предоставила бы намъ также возможность измѣрить путь, который проходятъ народы въ своемъ прогрессѣ и своемъ паденіи, вычислить вѣка жизни націй. Тогда узнали бы средства, черезъ которыя общество можетъ подняться или возвратиться къ самой высокой степени цивилизаціи, какая только доступна ему; тогда согласны были бы теорія и практика, ученые и мудрецы, философы и законодатели, мудрость разсуждающая съ мудростью инстинктивною и удалялись бы отъ принциповъ этой науки „очеловѣченія“ только въ томъ случаѣ, если бы отрекались отъ человѣческаго характера и отдѣлялись отъ человѣчества.

Новая наука черпаетъ изъ двухъ источниковъ—философіи и филологіи. Философія созерцаетъ истинное разумомъ; филологія наблюдаетъ реальное,—это наука фактовъ и языковъ. Философія должна основывать свои теоріи на достовѣрности фактовъ, филологія—заимствовать у философіи ея теоріи, чтобы возводить факты до всеобщихъ, вѣчныхъ истинъ.

Какая философія будетъ плодотворна? Та, которая будетъ возвышать, которая будетъ руководить падшимъ и всегда слабымъ человѣкомъ, *не отрывая его отъ его природы и не предоставляя его испорченности*. Такимъ образомъ, мы запираемъ школу новой науки для стоиковъ, которые хотятъ смерти чувствъ, для эпикурейцевъ, которые дѣлаютъ чувства правиломъ человѣка: тѣ поработаютъ себя судьбѣ, а эти предоставляютъ себя случаю; тѣ и другіе отрицаютъ Провидѣніе. Эти двѣ доктрины изолируютъ человѣка и должны были бы называться *отшельническими* философіями. Напротивъ, мы допускаемъ въ нашу школу (новой науки) политическихъ философовъ и особенно платониковъ, потому что они согласны со всѣми законодателями относительно нашихъ трехъ основныхъ принциповъ: *существованіе божественнаго Провидѣнія, необходимость укрощать страсти и дѣлать изъ нихъ человѣческія добродѣтели, безсмертіе души*. Эти три философскія истины отвѣчаютъ столь-

кимъ же историческимъ фактамъ: *всеобщему установленію религій, браковъ и поребеній*. Всѣ націи придали этимъ тремъ вещамъ священный характеръ; онѣ ихъ называли *humanitatis commercia* (Тацитъ) и выраженіемъ еще болѣе возвышеннымъ: *foedera generis humani*.

Филологія, наука реального, наука историческихъ фактовъ и языковъ, доставитъ матеріалы наукъ „*объ истинномъ*“—философіи. Но реальное—работа свободы индивидуума, есть нѣчто переменчивое въ своей натурѣ. Какой будетъ *criterium*, посредствомъ котораго мы откроемъ въ его подвижности неизмѣнный характеръ истиннаго?... Здравый смыслъ, т. е. необдуманное сужденіе какого-либо класса людей, народа, человѣчества? общее согласіе здраваго смысла народовъ составляетъ мудрость человѣческаго рода. Здравый смыслъ, народная мудрость есть правило, которое Богъ далъ соціальному міру.

Эта мудрость одна, подъ двойной формой дѣйствій и языковъ, какъ бы ни были они разнообразны подъ вліяніемъ мѣстныхъ причинъ; и ея единство придаетъ имъ аналогичный характеръ у самыхъ изолированныхъ народовъ. Этотъ характеръ особенно замѣтенъ во всемъ томъ, что касается естественнаго права. Спросите всѣ народы объ идеяхъ, которыя они составляютъ себѣ о соціальныхъ отношеніяхъ, и вы увидите, что всѣ они понимаютъ ихъ одинаково подъ различными выраженіями; это видно изъ пословицъ, которыя представляютъ изъ себя правила народной мудрости. Не будемъ пытаться объяснять это однообразіе естественнаго права предположеніемъ, что одинъ какой-нибудь народъ сообщилъ его всѣмъ другимъ. Повсюду это право туземно, повсюду оно вложено Провидѣніемъ въ нравы націй.

Это тождество человѣческой мысли, признаваемое въ дѣйствіяхъ и въ языкѣ, разрѣшаетъ великую проблему общительности человѣка, которая такъ затрудняла философовъ, и если бы не находили вовсе узелъ развязаннымъ, то мы могли бы его разрѣзать однимъ словомъ: „*Ничто не остается доло внѣ своего естественнаго состоянія; человекъ—существо общественное, потому что онъ остается въ обществѣ*“.

Въ развитіи человѣческаго общества, въ ходѣ цивилизаціи можно различить три вѣка, три періода¹⁾: вѣкъ божескій или теократическій, вѣкъ героическій и вѣкъ человѣческій или цивилизованный. Этому раздѣленію отвѣчаетъ дѣленіе временъ на темныя, баснословныя и историческія. Особенно обнаруживается точность этой классификаціи въ исторіи языковъ. Тотъ языкъ, на которомъ мы говоримъ, долженъ былъ имѣть своимъ предшественникомъ метафизическій и поэтический языкъ, а этотъ послѣдній въ свою очередь имѣлъ предшественникомъ гіероглифическій или священный языкъ.

Мы займемся, главнымъ образомъ, двумя первыми періодами. Причины этой цивилизаціи, которой мы такъ гордимся, должно искать въ вѣкахъ, которые мы называемъ варварскими и которые было бы лучше называть религіозными и поэтическими; вся мудрость человѣческаго рода была уже здѣсь въ своемъ первомъ очертаніи и въ своемъ зародышѣ. Но, когда мы пытаемся восходить къ временамъ, столь отдаленнымъ отъ насъ, сколько трудностей насъ останавливаетъ! Большая часть памятниковъ погибла и даже тѣ, которые у насъ остались, были измѣнены, искажены предразсудками послѣдующихъ вѣковъ. Не будучи въ состояніи объяснить началъ общества и не примиряясь съ незнаніемъ ихъ, представляли себѣ античное варварство сообразно съ новой цивилизаціей. Національное тщеславіе поддерживалось тщеславіемъ ученыхъ, которые полагали свою славу въ томъ, чтобы отодвинуть далѣе возникновеніе ихъ любимыхъ наукъ. Пораженные счастливымъ инстинктомъ, который руководилъ первыми людьми, они превеличили ихъ познанія и оказали имъ честь, приписывая мудрость, которая была мудростью Бога. Что касается насъ, убѣжденныхъ, что во всякомъ дѣлѣ начинанія просты и грубы, то мы будемъ смотрѣть на Зороастровъ, Гермесовъ и Орфеевъ менѣе, какъ на творцовъ, чѣмъ, какъ на продуктъ и результатъ древней цивилизаціи и отнесемъ начало языческаго общества къ

¹⁾ См. „Отъ переводчика“ стр. II 2-е примѣчаніе.

здравому смыслу, который сблизилъ еще тупыхъ людей первыхъ вѣковъ однихъ съ другими.

Основателями общества для насъ являются тѣ циклопы, о которыхъ говоритъ Гомеръ, тѣ гиганты, которыми начинается свѣтская исторія также точно, какъ и священная исторія. Послѣ потопа первые люди, за исключеніемъ патріарховъ, предковъ народа божьяго, должны были возвратиться къ дикой жизни и, вслѣдствіе самага суроваго образа жизни, пріобрѣли опять гигантскій ростъ допотопныхъ людей. *Nudi ac sordidi in hos artus, in haec corpora, quae miramur, excrescunt. Taciti* (Germ.).

Они разсѣялись по обширному лѣсу, который покрывала землю, всецѣло отдавшіеся заботѣ о физическихъ нуждахъ, свирѣпые, безъ закона, безъ Бога. Напрасно природа окружала ихъ чудесами; чѣмъ болѣе правильны были явленія и слѣдовательно достойны удивленія, тѣмъ болѣе привычка дѣлала людей равнодушными по отношенію къ нимъ. Кто могъ бы сказать, какъ пробуждалась человѣческая мысль?... Но вотъ слышатся раскаты грома, его страшныя дѣйствія замѣчаются; утраченные великаны признають въ первый разъ высшую силу и называютъ ее Юпитеромъ; такимъ образомъ въ преданіяхъ всѣхъ народовъ Юпитеръ повергаетъ на землю великановъ. Это начало идолопоклонства, дочери легковѣрія, а не обмана, какъ столько разъ это повторяли.

Идолопоклонство было необходимо міру *въ социальномъ отношеніи*:—какая другая сила, какъ не сила религіи, полной ужасовъ, укротила бы тупую гордость силы, которая до того времени изолировала индивидуумы? — *въ религіозномъ отношеніи*: не надлежало ли человѣку пройти черезъ эту религію чувствъ, чтобы притти къ религіи разума и отъ этой—къ религіи вѣры?

Но какъ объяснить этотъ первый шагъ человѣческаго духа, этотъ критическій переходъ отъ скотскаго состоянія къ человѣчности? Какимъ образомъ при столь передовомъ состояніи цивилизаціи, какъ наше, когда умы пріобрѣли посредствомъ употребленія языковъ, письма и счета непобѣдимую привычку

къ абстракціи, какъ намъ перенестись въ воображеніе этихъ первыхъ людей, всецѣло погруженныхъ въ чувства и какъ бы погребенныхъ въ матеріи? У насъ остается къ счастью относительно дѣтства вида и его первыхъ шаговъ развитія самое вѣрное, самое наивное изъ всѣхъ свидѣтельствъ: *это—дѣтство индивидуума.*

Ребенокъ всему удивляется, потому что онъ ничего не знаетъ. Сила его воображенія, полного памятью, склоннаго въ высшей степени къ подражанію, пропорціональна его неспособности къ абстракціи. Онъ судить обо всемъ по себѣ самомъ и предполагаетъ волю всюду, гдѣ видитъ движеніе.

Таковы были и первые люди. Они сдѣлали изъ всей природы одно обширное одушевленное тѣло, одержимое страстями, какъ и они сами. Они говорили часто знаками; они думали, что молнія и громъ были знаками этого страшнаго существа. Новыя наблюденія умножили знаки Юпитера и ихъ соединеніе образовало таинственный языкъ, которымъ онъ благоволилъ обнаруживать людямъ свою волю. Пониманіе этого языка сдѣлалось наукой подъ именами прорицанія, мистической теологіи, міеологіи, поэзіи.

Мало-по-малу всѣ явленія природы, всѣ отношенія природы къ человѣку или людей между собою сдѣлались божествами. Приписывать жизнь неодушевленнымъ существамъ, приписывать тѣло нематеріальнымъ вещамъ, создавать существа, которыя совершенно не существуютъ въ дѣйствительности; вотъ тройное созданіе фантастическаго міра идолопоклонства. Богъ, въ своемъ чистомъ разумѣ, творитъ существа, тѣмъ, что Онъ ихъ познаетъ; первые люди, сильные своимъ незнаніемъ, творили по своему силю воображенія, если можно такъ сказать, совершенно матеріальнаго. *Поэтъ* значить *создатель*; они же были поэтами и такова была высота ихъ мыслей, что они сами страшились ихъ и падали въ содроганіи передъ своимъ же произведеніемъ. (*Fingunt simul creduntque. Тацитъ*).

Именно для этой божественной поэзіи, которая творила и объясняла невидимый міръ, придумали названіе *мудрости*, на

которую предъявила затѣмъ притязанія философія. Въ самомъ дѣлѣ, поэзія уже для первыхъ вѣковъ была философіей безъ абстракціи,—состоявшей всецѣло изъ воображенія и чувства. Что философы понимали епослѣдствіи, то поэты чувствовали; и если, какъ говоритъ школа, „ничего нѣтъ въ понятіи, чего не было бы въ чувствѣ“, то поэты были чувствомъ человѣческаго рода, философы же были его умомъ ¹⁾.

Знаки, которыми люди начали выражать свои мысли, были тѣми же предметами, которые они обоготворили. Чтобы сказать море, они на него указывали рукой; позднѣе они говорили *Нептунъ*. Это языкъ боговъ, о которомъ говоритъ Гомеръ. Имена тридцати тысячъ латинскихъ боговъ, собранныя Варрономъ, имена греческихъ боговъ, не менѣе многочисленныя, составили божескій словарь этихъ двухъ народовъ. Такъ какъ первоначально на божескомъ языкѣ можно было говорить только дѣйствіями, то почти всякое дѣйствіе было освящено; жизнь была, такъ сказать, только рядомъ нѣмыхъ религіозныхъ актовъ. Оттуда остались въ римскомъ судопроизводствѣ „*acta legitima*“,—та пантомима, которая сопровождала всѣ гражданскія мировыя сдѣлки. Пьероглифы стали письмомъ, свойственнымъ этому несовершенному языку, а вовсе не были изобрѣтены философами, чтобы скрывать тайны глубокой мудрости. Всѣ варварскія націи были принуждены начать такимъ образомъ, пока не создали себѣ лучшую систему рѣчи и письма. Этотъ нѣмой языкъ былъ подходящимъ для вѣка, въ которомъ господствовали религіи: онѣ больше хотѣли быть чтимыми, чѣмъ быть обсуждаемыми.

Въ героическій вѣкъ божескій языкъ существовалъ еще, человѣческій или членораздѣльный языкъ получалъ начало; но этотъ вѣкъ имѣлъ сверхъ того одинъ языкъ, который ему былъ свойственъ; я говорю о эмблемахъ, девизахъ—новый родъ знаковъ, которые имѣютъ только не прямое отношеніе къ мысли. На этомъ языкѣ говорятъ гербы героевъ; онъ остался языкомъ военной дисциплины. Перенесенный въ членораздѣльный языкъ

¹⁾ Philosophie et une poésie sophistiquée (Montaigne, III v., p. 216, édit. Lefèvre).

онъ долженъ былъ породить сравненія, метафоры и т. д. Вообще метафора составляетъ основу языковъ.

Первый принципъ, который долженъ нами руководить при изслѣдованіи этимологій, состоитъ въ томъ, что ходъ идей соответствуетъ ходу вещей. А степени цивилизаціи могутъ быть указаны такъ: *лѣса, хижины, деревни, города* или общества гражданъ, *академіи* или общества ученыхъ; люди населяютъ сначала *горы*, затѣмъ *равнины*, наконецъ *берега*. Идеи и усовершенствованія языковъ должны были слѣдовать этому порядку. Этотъ этимологическій принципъ достаточенъ для туземныхъ языковъ, для языковъ варварскихъ странъ, которыя остаются недоступными для иностранцевъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не будутъ открыты войною или торговлею. Онъ показываетъ, насколько филологи ошибались, утверждая, что значеніе языковъ произвольно. Ихъ происхожденіе было естественно; ихъ значеніе должно было быть основано на природѣ. Это можно наблюдать въ латинскомъ языкѣ, *болѣе героическомъ*, менѣе утонченномъ, чѣмъ греческій: всѣ слова въ немъ заимствованы изъ образовъ простыхъ и грубыхъ предметовъ.

Героическій языкъ употреблялъ вмѣсто общихъ именъ собственные имена или имена народовъ. Древніе римляне говорили „*Тарентинецъ*“ вмѣсто „*надушенный человѣкъ*“. Всѣ народы древности говорятъ *Геркулесъ* вмѣсто *герой*. Это созданіе идеальныхъ характеровъ, являвшееся повидимому результатомъ усилій изобрѣтательнаго искусства, было необходимою для человѣческаго духа. Посмотрите на ребенка: имена первыхъ лицъ, первыхъ предметовъ, видѣнныхъ имъ, онъ даетъ всему тому, въ чемъ замѣчаетъ какую-либо аналогію. Также точно первые люди, неспособные образовать абстрактную идею *поэта, героя*, называли всѣхъ героевъ именемъ перваго героя, всѣхъ поэтовъ именемъ перваго поэта и т. д.

Вслѣдствіе нашей инстинктивной любви къ однообразію они прибавляли къ этимъ первымъ мыслямъ фикціи, особенно гармонирующія съ дѣйствительностью, и мало-по-малу подъ именами *героя, поэта*, которыя сначала обозначали того или другаго индивидуума, они стали понимать всѣ совершенные ха-

рактеры, которые только могли подойти подъ идеальный типъ героизма и поэзіи. Истина поэтическая—результатъ этого двойного процесса—была болѣе истинна, чѣмъ истина реальная: какой герой исторіи выразить такъ хорошо героическій характеръ, какъ „Ахиллесъ“ Илиады?

Это стремленіе людей выставлать *идеальные типы подѣ собственными именами* наполнило трудностями и явными противорѣчіями начала исторіи. Эти типы были приняты за индивидуумы. Такъ, всѣ открытія древнихъ египтянъ принадлежать Гермесу. Первоначальное устройство Рима, даже въ той моральной части, которая является продуктомъ привычекъ, выходитъ въ полномъ вооруженіи изъ головы Ромула ¹⁾; всѣ подвиги, всѣ труды героической Греціи составляютъ жизнь Геркулеса; наконецъ, Гомеръ является передъ нами одинъ на переходѣ отъ героическихъ временъ къ историческимъ, какъ представитель цѣлой цивилизаціи. По какой-то удивительной привилегіи эти чудесные люди не порождались медленно временемъ и обстоятельствами; они рождаются сами собою и кажутся создателями своего вѣка и своего отечества. Чему же тутъ удивляться, что древность сдѣлала изъ нихъ боговъ?

Разсматривайте имена Гермеса, Ромула, Геркулеса и Гомера, какъ выраженія того или иного національнаго характера въ данную эпоху, какъ обозначеніе типовъ изобрѣтательнаго духа у египтянъ, римскаго общества въ моментъ его зарожденія, греческаго героизма, народной поэзіи первыхъ вѣковъ у той же націи, и трудности исчезаютъ, противорѣчія объясняются, чрезвычайная ясность освѣщаетъ туманную древность.

Возьмемъ Гомера и посмотримъ, какъ всѣ эти неправдоподобія его жизни и его характера, благодаря такому объясненію, становятся согласными съ дѣйствительностью, необходимостью. *Почему всѣ греческіе народы спорили между собою о мѣстѣ его рожденія, предъявляли притязанія на него, какъ на своего гражда-нина?* Потому что каждое племя находило въ немъ свой характеръ, потому что Греція признавала себя въ немъ, потому что она сама

¹⁾ Подобно тому, какъ Паллада-Аѳина изъ головы Зевса. Прим. перев.

была Гомеромъ. *Почему столь различны мнѣнія о времени его жизни?* Потому что въ теченіе пяти вѣковъ, которые слѣдовали за троянской войной, онъ дѣйствительно жилъ въ устахъ и въ памяти людей.—*Молодымъ онъ сочинилъ Илиаду...* Греція, молодая тогда, вся сгорая отъ возвышенныхъ страстей, буйная, но благородная, создала своего героя изъ Ахилла, героя силы. *Въ старости онъ сочинилъ Одиссею...* Греція болѣе зрѣлая создала долгое время спустя характеръ Улисса, героя мудрости.—*Гомеръ былъ бѣденъ и смѣнъ...* въ лицѣ рапсодовъ, которые собирали народныя пѣсни и ходили изъ города въ городъ, повторяя ихъ то на площадяхъ, то на празднествахъ боговъ. Тогда, какъ и теперь, слѣпцы должны были вести чаще всего такую нищенствующую и бродячую жизнь; къ тому же превосходство ихъ памяти дѣлало ихъ болѣе способными удерживать въ умѣ столько тысячъ стиховъ.

Такъ какъ Гомеръ болѣе не человѣкъ, но обозначаетъ собою совокупность пѣсенъ, импровизированныхъ всѣмъ народомъ и собранныхъ рапсодами, то онъ является оправданнымъ отъ всѣхъ упрековъ, которые ему дѣлали и за низость образовъ, и за вольности, и за смѣсъ нарѣчій. Кто могъ бы еще удивляться тому, что онъ возвысилъ людей до величія боговъ и унижилъ боговъ до людскихъ слабостей? Простой народъ не создастъ ли боговъ по своему образу?

Геній Гомера объясняется также безъ труда; несравненная сила изобрѣтательности, которая удивляетъ въ его характерахъ, дикая оригинальность его сравненій, живость его картинъ смерти и битвъ, его высокій паѳосъ,—все это геній не одного человѣка, а героическаго вѣка. Какую силу молодости не имѣютъ тогда воображеніе, память и страсти, которыя вдохновляютъ поэзію?

Три главные титула Гомера отнынѣ лучше мотивированы: онъ дѣйствительно основатель цивилизаціи въ Греціи, отецъ поэтовъ, источникъ всѣхъ греческихъ философій. Послѣдній титулъ заслуживаетъ объясненія: философы вовсе не заимствовали своихъ системъ у Гомера; хотя они и искали для нихъ авторитета въ его басняхъ, но послѣднія въ дѣйствительности дали

имъ только поводъ къ изслѣдованіямъ и облегчили имъ изложенье и популяризацию ихъ доктринъ.

Однако можно настаивать: *предполагая, что весь народъ былъ поэтомъ, какъ онъ могъ изобрѣсти мастерской стиль, эти эпизоды, эти счастливые обороты, этотъ поэтический размыръ?*... А какъ могъ бы онъ ихъ не изобрѣсти? Обороты произошли только отъ трудности выражаться, эпизоды—отъ неловкости, не умѣющей различать и устранять венцы, которыя не идутъ къ дѣли.

Что касается музыкальнаго и поэтическаго размѣра. то онъ прирожденъ человѣку: заики пытаются говорить на распѣвъ; въ страстномъ состояніи голосъ измѣняется и приближается къ пѣнію. Всюду стихи предшествовали прозѣ.

Перейти отъ поэзіи къ прозѣ—это значило отвлекать и обобщать, ибо языкъ первой всецѣло конкретенъ, всецѣло частень. Сама поэзія, хотя она выходила тогда изъ народнаго употребленія, приняла также общія выраженія; собственныя имена, которыя при бѣдности языковъ служили ей для обозначенія характеровъ, она замѣнила воображаемыми именами и создала чисто идеальные характеры. Это и было тогда началомъ ея третьяго вѣка, *человѣческаго вѣка* поэзіи.

Когда начало религіи, поэзіи и языковъ открыто, то мы знаемъ и начало языческаго общества. Поэмы Гомера—главный его памятникъ. Присоедините къ этому исторію первыхъ столѣтій Рима, которая представляетъ намъ самый лучшій комментарий баснословной исторіи грековъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ Римъ былъ основанъ, когда простонародные языки Лаціума сдѣлали большіе успѣхи, то римскій героизмъ, еще молодой среди столькихъ народовъ уже зрѣлыхъ, выражался на простонародномъ языкѣ, тогда какъ героизмъ грековъ былъ выраженъ на героическомъ языкѣ.

Начало религіи было началомъ общества. Гиганты, уstraшенные громомъ, который открываетъ имъ высшую силу, ищутъ убѣжища въ пещерахъ. Скотское состояніе оканчивается вмѣстѣ съ ихъ бродячею жизнью; они обезпечиваютъ себѣ опредѣленное убѣжище, поддерживаютъ тамъ товарищество силою, и такимъ образомъ возникаетъ семья. Первые отцы семейства

являются и первыми жрецами; а, такъ какъ религія составляетъ еще всю мудрость, то они же—и первые мудрецы; независимые владыки своей семьи, они—также и первые цари; отсюда и имя патріарховъ (*отцы и государи*). Въ столь грубомъ варварствѣ ихъ иго можетъ быть только тяжелымъ и жестокимъ; Полиемъ Гомера, въ глазахъ Платона, есть образъ первыхъ отцевъ семейства. Такъ было необходимо для того, чтобы люди, укрощенные семейнымъ управленіемъ, оказались подготовленными къ повиновенію законамъ гражданскаго управленія, которое послѣ этого послѣдуетъ. Но эти абсолютные цари семейства сами подчинены божеской власти, велѣнія которой они истолковываютъ своимъ женамъ и своимъ дѣтямъ; а такъ какъ въ то время не существовало ни одного дѣйствія, которое не было бы подчинено Богу, то это управленіе было въ дѣйствительности теократическимъ.

Вотъ золотой вѣкъ, такъ прославленный поэтами, вѣкъ, когда боги царствуютъ на землѣ. Вся добродѣтель этого вѣка состоитъ въ варварскомъ суевѣріи, которое служитъ однако къ тому, чтобы сдерживать людей, не смотря на ихъ звѣрство и дикую гордость. Какой бы ужасъ ни внушали намъ эти кровавыя религіи, не забудемъ, что подъ ихъ вліяніемъ образовались самыя знаменитыя общества міра. Атеизмъ ничего не создалъ.

Вскорѣ семья стала состоять не только изъ лицъ, связанныхъ кровными узами. Несчастные, которые оставались при общности имущества и женъ, въ спорахъ, вызванныхъ этимъ обстоятельствомъ, желая спастись отъ обидъ притѣснителей, прибѣгали къ алтарямъ сильныхъ людей, расположеннымъ на возвышенностяхъ. Эти алтари были первыми убожищами, *vetus urbes condentium consilium*, говоритъ Титъ Ливій. Сильные убивали производившихъ насилія и покровительствовали бѣглецамъ. Происшедшіе отъ Юпитера, т. е. рожденные подъ его ауспиціями, они были героями по рожденію и по доблести. Такъ образовался идеальный характеръ античнаго Геркулеса. Герои стали гераклидами, дѣтьми Геракла, какъ мудрецы были названы дѣтьми мудрости и т. д.

Новые пришельцы, введенные въ общество ради выгоды, а не по религіознымъ побужденіямъ, не участвовали въ правахъ героевъ, въ частности—въ правѣ торжественнаго брака. Они были приняты съ условіемъ служить ихъ защитникамъ въ качествѣ рабовъ, но, ставъ многочисленными, они вознегодовали на свое униженное положеніе и потребовали себѣ части тѣхъ земель, которыя они обрабатывали. Всюду, гдѣ герои были побѣждены, они уступили рабамъ земли, которыя должны были всегда зависѣть отъ нихъ; это былъ первый *аграрный законъ* и начало *кlientелы* и *леновъ*.

Такимъ образомъ организовался городъ. Отцы семейства образовали классъ *знатныхъ*, *патриціевъ*, сохраняя тройной характеръ: царей своего дома, жрецовъ и мудрецовъ, т. е. хранителей ауспицій. Выходцы составили классъ *плебеевъ*, *леновъ* *свиты*, *кlientовъ*, *вассаловъ*, безъ всякаго иного права, кромѣ пользованія землями, которыми они владѣли въ зависимости отъ *благородныхъ*.

Всѣ героическіе города имѣли аристократическое правленіе; цари семействъ подчинили свою домашнюю власть власти ихъ сословія. Главы героическаго сословія были названы *царями* общины и управляли общественными дѣлами во всемъ, что касалось войны и религіи.

Эти маленькія общества по существу были воинственными (*πόλις, πόλεμος*). *Чужестранецъ* (*hostis*) на ихъ языкѣ—синонимъ *врага*. Герои гордились именемъ разбойниковъ (см. у *Оукидида*) и на самомъ дѣлѣ занимались грабительствомъ или пиратствомъ. Внутри героическія общины были не болѣе спокойны. Древніе *благородные*, говоритъ Аристотель (*Политика*), клялись въ вѣчной враждѣ по отношенію къ простому народу. Римская исторія подтверждаетъ это: плебеи сражались за интересы патриціевъ на свой собственный счетъ, а тѣ разоряли ихъ лихвой, заключали ихъ въ свои частныя тюрьмы, терзали ударами бича. Но любовь къ почести, которая поддерживаетъ въ аристократическихъ республикахъ это жестокое соперничество сословій, вызывала за-то во время войны *благородное* соревнованіе. Знатные жертвуютъ собою ради блага отечества, отъ котораго за-

висятъ всѣ привилегіи ихъ сословія. Плебеи славными подвигами стараются показать себя достойными раздѣлять привилегіи благородныхъ. Эта борьба, которая клонится къ установленію равенства, является самымъ могущественнымъ средствомъ возвеличенія республикъ.

Чтобы дополнить эту картину божескаго и героическаго вѣковъ, мы сопоставимъ исторію *гражданскаго* права съ исторіею *политическаго* права. Въ первомъ мы находимъ всѣ перемѣны втораго. Если формы правленія являются результатомъ нравовъ, то судопроизводство измѣняется сообразно съ формой правленія. Этого-то и не замѣчали ни историки, ни законовѣды; они объясняютъ намъ законы, напоминаютъ намъ ихъ установленіе, не замѣчая ихъ отношеній къ политическимъ переворотамъ; такимъ образомъ они представляютъ намъ факты изолированными отъ ихъ причинъ. Спросите у нихъ, почему древнее судопроизводство римлянъ было окружено такими торжественными обрядами, такими мистеріями; они умѣютъ только обвинять патриціевъ въ обманѣ.

Въ первый вѣкъ право и разумъ были повелѣніемъ свыше, божескимъ откровеніемъ черезъ посредство ауспицій, оракуловъ и другихъ матеріальныхъ знаковъ. Право было основано на божественномъ авторитетѣ. Требовать малѣйшаго объясненія считалось богохульствомъ. Мы должны удивляться Провидѣнію, которое допустило, что въ эпоху, когда люди были неспособны различать право и истинный разумъ, они находили въ своемъ заблужденіи принципъ порядка и поведенія. Законовѣдніе, наука этого божескаго права, могло быть только знаніемъ религіозныхъ обрядовъ; все правосудіе заключалось въ соблюденіи извѣстныхъ обычаевъ, извѣстныхъ церемоній. Отсюда суевѣрное уваженіе римлянъ къ *acta legitima*; у нихъ бракъ, завѣщаніе назывались *justa*, когда были исполнены требуемые церемоніи.

Первымъ судомъ былъ судъ боговъ: къ нимъ апеллировали тѣ, кто претерпѣвалъ какую-нибудь несправедливость; ихъ призывали, какъ свидѣтелей и какъ судей. Когда религіозные суды урегулировались, то виновные были посвящаемы богамъ и предаваемы анаѳемѣ; на основаніи этого приговора они дол-

жны были быть предаваемы смертной казни. Приговоръ проносили противъ какого-либо народа точно такъ-же, какъ и противъ индивидуума; войны (*pura et pia bella*) были божьимъ судомъ. Онѣ имѣли вполне религіозный характеръ: герольды, которые ихъ объявляли, обрекали гибели враговъ и вызывали ихъ боговъ за ихъ стѣны; на побѣжденныхъ смотрѣли, какъ на оставшихся безъ боговъ; цари, влекомые за колесницей римскихъ триумфаторовъ, были предлагаемы въ жертву въ Капитоліи Юпитеру Феретрійскому и поэтому закалаемы.

Поединки являлись еще однимъ видомъ божьихъ судовъ. „Древнія республики“, говоритъ Аристотель въ своей „*Политикѣ*“, „не имѣли судебныхъ законовъ, чтобы наказывать преступленія и подавлять насиліе“. Поединокъ представлялъ единственное средство къ тому, чтобы помѣшать частнымъ войнамъ сдѣлаться вѣчными. Люди, не будучи въ состояніи различить дѣло дѣйствительно справедливое, считали справедливымъ то, которому благопріятствовали боги. *Героическое право* было правомъ силы.

Насиліе героевъ знало только одну узду: уваженіе къ слову. Разъ произнесенное слово было для нихъ свято, какъ религія, неизмѣнно, какъ прошлое (*fas, fatum* отъ *fari*). За религіозными актами, которые одни только составляли все судопроизводство божескаго вѣка и которые можно назвать *формулами дѣйствій*, послѣдовали *формулы словъ*. Вторыя наслѣдовали благоговѣнію, которое питали къ первымъ; и суевѣріе по отношенію къ этимъ формуламъ было непоколебимымъ, безжалостнымъ: *uti lingua nuncupasset, ita jus esto* (12 таблицъ). Агамемнонъ объявилъ, что онъ принесетъ въ жертву свою дочь: нужно, чтобы онъ принесъ ее въ жертву. Не будемъ кричать, какъ Лукрецій: *Tantum religio potuit suadere malorum!*... Эта ужасная вѣрность слову была необходима въ тѣ времена насилія; слабость, подчиненная силѣ, должна была бояться малѣйшихъ капризовъ послѣдней. Справедливость этого вѣка не есть *естественная справедливость*, а *гражданская справедливость*; она является въ юриспруденціи тѣмъ, чѣмъ *государственный соображенія* въ политикѣ: принципомъ пользы, охраны общества.

Мудрость состоитъ въ то время въ искусномъ употребленіи словъ, въ точномъ примѣненіи, въ принаровленіи языка къ выгодной цѣли. Это мудрость Улисса, это мудрость древнихъ римскихъ правовѣдовъ съ ихъ знаменитымъ *cavere*. *Давать отвѣты по праву* было для нихъ ничѣмъ инымъ, какъ стараніемъ предостерегать совѣтующихся лицъ и готовить ихъ къ подробному изложенію оспариваемаго случая предъ судами такъ, чтобы формулы дѣйствій согласовались точъ въ точъ и чтобы преторъ не могъ отказаться примѣнить ихъ. Составленные въ подражаніе религиознымъ формуламъ судебныя формулы героическаго вѣка были окружены такими же мистеріями: тайна, привязанность къ установленнымъ вещамъ являются душою аристократическихъ республикъ.

Религиозныя формулы, состоя всѣ въ дѣйствіи, не имѣли ничего общаго; судебныя формулы въ своемъ началѣ имѣютъ отношеніе только къ одному факту, къ индивидууму; это—простые примѣры, по которымъ рѣшаютъ потомъ аналогичныя дѣла. Законъ, вполнѣ частный еще, держится только авторитетомъ (*dura est, sed scripta est*); онъ еще не основанъ на принципѣ, на *истинѣ*. До тѣхъ поръ существуетъ только право гражданское; съ *человѣческимъ* вѣкомъ начинается *право естественное*, право разумной человѣчности. Правосудіе этого послѣдняго вѣка обращаетъ вниманіе на заслугу дѣлъ и лицъ; слѣпая справедливость была бы ложно безпристрастной, ея кажущееся равенство было бы на дѣлѣ неравенствомъ. Исключенія, привилегіи часто требуютъ естественной справедливостью: такъ, человѣческія правительства умѣютъ заставить законъ принаравливаться въ интересахъ самаго равенства.

По мѣрѣ того, какъ демократіи и монархіи занимаютъ мѣсто героическихъ аристократій, значеніе гражданскаго закона возвышается все болѣе и болѣе надъ значеніемъ политическаго закона. Въ аристократіяхъ всѣ частныя интересы заключались въ интересахъ общественныхъ; въ *человѣческомъ* правленіи и особенно въ монархіяхъ общественные интересы занимаютъ умы только по поводу интересовъ частныхъ; къ тому-же,

при смягченіи нравовъ частныя привязанности пріобрѣтають тѣмъ больше силы и заступаютъ мѣсто патріотизма.

При *человѣческихъ* правленіяхъ равенство, которое природа установила среди людей, давъ имъ разумъ, существенный признакъ чловѣчества, было освящено въ гражданское и политическое равенство. Граждане съ того времени равны: сначала, какъ государи общины, потомъ, какъ подданные монарха, который, отличаясь одинъ отъ всѣхъ, предписываетъ имъ одни итѣ-же законы.

Въ народныхъ республикахъ, хорошо управляемыхъ, единственно существующее неравенство опредѣляется ценомъ. Богъ желаетъ этого, чтобы дать преимущество экономіи предъ расточительностью, предприимчивости и предусмотрительности предъ безпечностью и лѣнностью. Народъ, взятый въ общемъ, желаетъ правосудія: поэтому, когда онъ вступаетъ въ управленіе, онъ издаетъ справедливые законы, т. е. вообще хорошіе.

Но мало-по-малу народныя государства развращаются. Богатые не смотрятъ болѣе на свое богатство, какъ на средство легальнаго превосходства, но какъ на средство тиранніи. Народъ, который при героическомъ правленіи требовалъ только равенства, желаетъ теперь господствовать въ свою очередь; у него нѣтъ недостатка въ честолюбивыхъ вождяхъ, подносящихъ ему популярныя законы, которые клонятся къ обогащенію бѣдняковъ. Споры болѣе не ведутся законнымъ путемъ; они рѣшаются силою. Отсюда гражданскія войны внутри, несправедливыя войны внѣ. Властители возвышаются среди безпорядка; и анархія, самая худшая изъ тиранній, принуждаетъ народъ искать спасенія во владычествѣ одного. Такъ, нужда въ порядкѣ и безопасности основываетъ монархію. Вотъ *царскій* законъ (говоря, какъ законовѣды), которымъ Тацитъ оправдываетъ римскую монархію при Августѣ, *Qui cuncta discordiis fessa sub imperium unius accepit*.

Основанныя на покровительствѣ слабымъ монархіи должны быть управляемы популярнымъ образомъ. Государь устанавливаетъ равенство, по крайней мѣрѣ, въ повиновеніи; онъ унижаетъ знатныхъ, а ихъ униженіе есть уже свобода для простыхъ. Облеченный неограниченной властью, онъ сообразуется не съ

закономъ, а съ естественнымъ равенствомъ. Такимъ образомъ, монархія есть форма правленія наиболѣе соотвѣтствующая природѣ во времена цивилизаціи, наиболѣе передовой.

Монархи величаютъ себя титуломъ милостивыхъ и налагаютъ наказанія менѣе суровыя. Они уменьшаютъ эту страшную отцовскую власть первыхъ вѣковъ. Милосердіе закона нисходитъ до рабовъ; даже съ врагами обращаются лучше; побѣжденные сохраняютъ свои права. Право гражданства, на которое республики были такъ скупы, теперь щедро раздается, и благочестивый Антонинъ желаетъ, по словамъ Александра, чтобы міръ сталъ одною гражданскою общиною.

Вотъ вся политическая и гражданская жизнь народовъ, пока они сохраняютъ свою независимость. Они проходятъ послѣдовательно подъ тремя формами правленій. Божеское законодательство основываетъ семейную монархію и полагаетъ начало *человѣчности*; героическое или аристократическое законодательство образуетъ гражданскую общину и ограничиваетъ злоупотребленія силой; народное законодательство освящаетъ въ обществѣ естественное равенство; монархія, наконецъ, должна прекратить анархію и общественную порчу, которую та произвела.

Когда это лѣкарство безсильно, то приходитъ неизбѣжно извнѣ другое, болѣе дѣйствительное. Развращенный народъ былъ рабомъ своихъ разнузданныхъ страстей; онъ дѣлается рабомъ лучшей націи, которая покоряетъ его оружіемъ и спасаетъ, покоряя. Ибо вотъ два естественныхъ закона: *Кто не можетъ самъ собою управляться, тотъ будетъ въ подчиненіи*, и *Самому лучшему—владычество надъ міромъ*. Такъ-что, если народъ не получилъ помощи въ этомъ жалкомъ состояніи испорченности ни отъ монархіи, ни отъ завоеванія, тогда необходимо, чтобы къ послѣднему изъ золъ Провидѣніе примѣнило и послѣднее лѣкарство. Всѣ индивидуумы этого народа изолировались другъ отъ друга въ частномъ интересѣ; нельзя найти между ними двухъ, которые были бы согласны между собою, такъ какъ каждый слѣдуетъ своему удовольствію или своему капризу. Они во сто разъ болѣе варвары въ этотъ послѣдній періодъ цивилизаціи, чѣмъ были въ своемъ дѣтствѣ! Первое варварство было

природное, второе—сознательное; то было дико, но благородно: врагъ могъ бѣжать или защищаться; это, не менѣе жестокое, —слабо и вѣроломно: оно любитъ убивать, цѣлая. Не ошибайтесь также; вы видите массу тѣлъ, но если вы ищете *человѣческихъ душъ*, то найдете глубокую пустыню: это только дикіе звѣри.

Пусть же погибаетъ это общество, вслѣдствіе неистовства партій, вслѣдствіе несправимаго, отчаяннаго ожесточенія гражданскихъ войнъ; пусть города вновь дѣлаются лѣсами; пусть лѣса служатъ еще гнѣздилищемъ людей и пусть въ теченіе столѣтій ихъ изобрѣтательная злость, ихъ порочная хитрость исчезнутъ подъ ржавчиной варварства. Тогда тупые, огрубѣлые, нечувствительные къ утонченностямъ, которыя ихъ испортили, они будутъ знать уже только вещи, необходимыя для жизни; малочисленные, они не будутъ имѣть недостатка въ нужномъ; они снова станутъ доступны культурѣ; можно будетъ видѣть, какъ съ древней простотой появляется вновь благочестіе, правдивость, добросовѣстность, на которыхъ основана справедливость и которыя составляютъ всю красоту вѣчнаго порядка, установленнаго Провидѣніемъ.

Послѣ такихъ суровыхъ очищеній Богъ возобновилъ европейское общество на развалинахъ римской имперіи. Направляя челоуѣческія дѣла въ духъ неизреченныхъ вѣлѣній своей милости, Онъ установилъ христіанство, противопоставляя добродѣтель мучениковъ римскому могуществу, чудеса и ученія Отцовъ (церкви)—пустой мудрости грековъ. Но нужно было остановить новыхъ враговъ, которые угрожали со всѣхъ сторонъ христіанской вѣрѣ и цивилизаціи: на сѣверѣ—готовы-аріанъ, на югѣ—арабовъ-магометанъ, одинаково оспаривавшихъ божественный характеръ Основателя религіи.

Снова увидѣли возрождающимся божескій вѣкъ и теократическое правленіе. Увидѣли католическихъ королей облакающимися въ одежду діаконѡвъ, носящими крестъ на своемъ оружіи, на своихъ коронахъ и основывающими религіозные и военные ордена для того, чтобы сражаться съ невѣрными. Тогда возвратились священныя войны древности (*pura et pia bella*),—

тѣ же самыя церемоніи для ихъ объявленія: вызывали внѣ стѣнъ осаждаемаго города святыхъ, покровителей врага, и старались похитить ихъ мощи. Божьи суды снова появились подъ именемъ *каноническихъ очищеній*; поединки были однимъ изъ видовъ такихъ судовъ, хотя и не признаннымъ канонами. Разбой и репрессалии древности, жестокость *героическаго* рабства возобновились, особенно между невѣрными и христіанами. *Убѣжища* древняго міра снова открылись у епископовъ, у аббатовъ; именно нужда въ такомъ покровительствѣ служить мотивомъ къ установленію большей части *леновъ*. Почему столько утесистыхъ и уединенныхъ мѣстъ носятъ имена святыхъ? Потому, что часовни служили тамъ убѣжищами.—*Нѣмой* вѣкъ первыхъ временъ міра снова насталъ: побѣдители и побѣжденные не понимали вовсе другъ друга; не было никакого письма на народномъ языкѣ. Героглифическіе знаки были употребляемы, чтобы обозначить сенъеріальныя права на дома и на могилы, на стада и на земли. Такимъ образомъ, мы вновь находимъ въ средніе вѣка большую часть чертъ, наблюдаемыхъ уже въ самой отдаленной древности.

Если бы всѣ предшествующія наблюденія надъ исторіей человѣческаго рода даже не опирались совсѣмъ на свидѣтельство философовъ и историковъ, грамматиковъ и законовѣдovъ, то не привели ли бы они насъ къ признанію въ этомъ мірѣ *великой общины націй, основанной и управляемой самимъ Богомъ*?—Превозносятъ до небесъ законодательную мудрость Ликурговъ, Солоновъ и Децемвировъ, которымъ приписываютъ столь прославленное благоустройство трехъ болѣе славныхъ общинъ, самыхъ знаменитыхъ по гражданской доблести, и однако насколько онѣ ниже по величію и по прочности въ сравненіи съ республикой вселенной!

Чудо ея устройства состоитъ въ томъ, что при каждомъ изъ его переворотовъ она находитъ въ самой порчѣ предшествующаго состоянія элементы новой формы, которая можетъ ее спасти. Нужно, конечно, чтобы тутъ существовала мудрость выше человеческой...

Эта мудрость не принуждает насъ силою, посредствомъ положительныхъ законовъ, но она для управленія нами пользуется обычаями, которымъ мы слѣдуемъ добровольно. Повторимъ здѣсь главный принципъ „Новой науки“: люди сами создали социальный міръ такимъ, каковъ онъ есть; но міръ этотъ, тѣмъ не меньше, произошелъ отъ Ума, часто противящагося частнымъ цѣлямъ, которыя люди себя предназначали, и всегда стоящаго выше ихъ. Эти цѣли ограниченнаго кружозора служатъ для Негосре дѣстами достиженія болѣе великихъ и болѣе отдаленныхъ цѣлей. Такъ, люди, еще изолированные, разобщенные, хотятъ скотскаго удовольствія и въ результатъ этого является святость брака и установленіе семьи; отцы семейства хотятъ злоупотреблять своею властью по отношенію къ ихъ слугамъ и зарождается городъ; господствующее сословіе благородныхъ желаетъ притѣснять плебеевъ и подвергается рабству по отношенію къ закону, который создаетъ народную свободу; свободный народъ старается освободиться отъ узды закона и подчиняется монарху; монархъ думаетъ утвердить свой тронъ, унижая своихъ подданныхъ развращеніемъ, и этимъ достигаетъ только того, что подготавливаетъ ихъ къ несенію иа болѣе сильнаго народа; наконецъ, когда націи сами стараются истребить себя, онъ разсываются въ пустыняхъ... и фениксы общества возрождаются изъ своего пепла.

Таково изложеніе, безъ сомнѣнія, очень не полное, этой обширной системы; мы ее предоставляемъ размышленію нашихъ читателей. Было бы слишкомъ долго слѣдовать за Вико въ остроумныхъ приложеніяхъ, которыя онъ сдѣлалъ изъ своихъ принциповъ. Мы прибавимъ только нѣсколько словъ, чтобы познакомить читателей съ судьбой автора и его труда.

„Новая наука“ имѣла нѣкоторый успѣхъ въ Италіи, и первое изданіе ея разошлось въ три года. Многія высокопоставленные лица, между прочимъ, папа Климентъ XII, написали Вико вѣстные письма. Ученые Венеціи, которые хотѣли перепечатать „Новую науку“ въ этомъ городѣ, убѣдили Вико описать самому свою

жизнь, чтобы помѣстить ее въ „Сборникъ біографій самыхъ знаменитыхъ писателей Италіи“. Но въ остальной Европѣ великій трудъ Вико не произвелъ никакого впечатлѣнія. Леклеркъ, который далъ отчетъ о книгѣ „*De uno universi juris principio*“ въ „*Bibliothèque universelle*“, не сказалъ ничего о „Новой наукѣ“. „*Journal de Trévoux*“ сдѣлалъ о ней простое упоминаніе. „*Journal de Leipsick*“ помѣстилъ клеветническую статью, которая была прислана изъ Неаполя.

Хотя испанскіе и австрійскіе вице-короли часто поручали Вико составленіе рѣчей, стиховъ, надписей въ торжественныхъ случаяхъ, тѣмъ не менѣе онъ оставался въ нуждѣ, въ которой и родился. Вико пополнялъ недостаточность своего жалованья по кафедрѣ риторики, которую занималъ въ неаполитанскомъ университетѣ, только тѣмъ, что давалъ у себя уроки латинскаго языка. Даже въ тотъ моментъ, когда Вико кончалъ „Новую науку“, онъ конкурировалъ на кафедре права и потерпѣлъ неудачу.

При такомъ тяжеломъ положеніи онъ находилъ все свое утѣшеніе въ заботѣ о воспитаніи своихъ двухъ дочерей, которыхъ онъ очень любилъ и изъ которыхъ старшая имѣла успѣхъ въ итальянской поэзіи. Это было,—говоритъ издатель сочиненій Вико, которому сынъ великаго человѣка передалъ такія подробности,—это было трогательное зрѣлище—видѣть философа играющимъ со своими дочерьми въ часы, которые у него оставались отъ скучныхъ обязанностей. Кто-то изъ его друзей, однажды заставъ его съ ними, не могъ удержаться отъ того, чтобы не повторить слѣдующаго мѣста изъ Тассо: „*Это Акидъ, который съ прялкой въ рукѣ забавляетъ баснословными разсказами дочерей Меоніи*“. Такое семейное счастье было само смѣшано съ горечью. Одного изъ его сыновей постигла долгая и жестокая болѣзнь. Другой сдѣлался, вслѣдствіе своего дурнаго поведенія, позоромъ своего семейства и Вико принужденъ былъ просить, чтобы его заключили въ тюрьму.

При восшествіи на престолъ Бурбонскаго дома, положеніе Вико, казалось, улучшилось; онъ былъ назначенъ исторіографомъ короля и достигъ, что его сынъ Дженнаро Вико, заслугу

и честность котораго знали, сдѣлался его преемникомъ, въ качествѣ профессора; но эти милости приплы слишкомъ поздно. Онъ уже изнемогалъ подъ бременемъ возраста и самыхъ тяжелыхъ недуговъ. Наконецъ, когда его силы все болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ падали, онъ оставался въ теченіе 14 мѣсяцевъ безъ способности говорить и не узнавалъ собственныхъ дѣтей. Вико вышелъ изъ этого состоянія только, чтобы замѣтить приближеніе смерти, и, исполнивъ долгъ хрстіанина, онъ испустилъ духъ, повторяя псалмы Давида (20-го января 1744 года). Ему исполнилось тогда 66 лѣтъ.

Не разстанемся совсѣмъ съ этимъ рѣдкимъ человѣкомъ, не узнавъ отъ него самого, какъ онъ переносилъ свои несчастія:

„Да будетъ“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „вѣчная хвала Провидѣнію, которое даже тогда, когда Оно кажется нашимъ слабымъ очамъ суровымъ правосудіемъ, несправедливостью, является только любовью и благостью. Съ тѣхъ поръ, какъ я окончилъ свой великій трудъ, я чувствую, что я облекся въ новаго человѣка. Я не испытываю болѣе охоты роптать на дурной вкусъ вѣка, потому что, отстраняя меня отъ мѣста, котораго я просилъ, онъ далъ мнѣ случай сочинить „Новую науку“. Сказать-ли? можетъ-быть я ошибаюсь, но я хотѣлъ бы не ошибаться: составленіе этого труда воодушевило меня геройскимъ духомъ, который ставитъ меня выше боязни смерти и клеветъ моихъ соперниковъ. Я себя чувствую сидящимъ на скалѣ изъ діаманта, когда помышляю о Божьемъ судѣ, который оказываетъ справедливость генію уваженіемъ мудреца!... 1726“.

Мы приведемъ еще, во что бы то ни стало, послѣднія строки, вышедшія изъ-подъ его пера:

„Теперь Вико не на что надѣяться въ мірѣ. Подавленный возрастомъ и трудами, изнуренный семейными горестями, мучимый конвульсивными болями въ бедрахъ и ногахъ, являясь добычей грызущей болѣзни, которая у него уже пожрала значительную часть головы, Вико отказался совсѣмъ отъ занятій и послалъ отцу Людовику-Доминику, такъ почитаемому за его доброту и

талантъ въ элегической поэзіи, рукопись замѣтокъ на первое изданіе „*Новой науки*“ съ слѣдующей надписью:

Христіанскому Тибуллу,
Отцу Людовику-Доминику,
Жанъ Баптистъ Вико,
Преслѣдуемый и разбитый
Постоянными бурями враждебной судьбы,
Посылаетъ эти несчастные обложки „*Новой науки*“;
Пусть они найдутъ у него, какъ въ пристани, мѣсто отдыха.

[Напомнивъ о препятствіяхъ, противорѣчіяхъ, которыя онъ встрѣтилъ, Вико прибавляетъ слѣдующее]: „Вико благословлялъ тѣ несчастія, которыя привели его къ его занятіямъ. Удалившись въ свое уединеніе, какъ въ неприступную крѣпость, онъ размышлялъ, писалъ какой-нибудь новый трудъ и благородно мстил своимъ поносителямъ. Такимъ-то путемъ удалось ему найти „*Новую науку*“... Съ этого момента онъ полагалъ, что ему не въ чемъ завидовать тому Сократу, о которомъ Федръ говорилъ: „Зависть осудила его при жизни, но его прахъ оправданъ. Пусть мнѣ обезпечать его славу, и я вовсе не откажусь отъ его смерти!“

*Cujus non fugio mortem, si famam assequar,
Et cedo invidiae, dummodo absolvar cinis.*

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПОДРОБНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ СОДЕРЖАНІЯ

5 КНИГЪ О ПРИНЦИПАХЪ

„НОВОЙ НАУКИ“ относительно общей природы націй.

Всего 1000 экз. Издано в 1913 г. в Москве.

Издательство "Свобода"

Москва, ул. Мясницкая, 15

Тел. 1-10-10

Всего 1000 экз. Издано в 1913 г. в Москве.

Издательство "Свобода"

Москва, ул. Мясницкая, 15

Тел. 1-10-10

Всего 1000 экз. Издано в 1913 г. в Москве.

Издательство "Свобода"

Москва, ул. Мясницкая, 15

Тел. 1-10-10

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНИЕ СОДЕРЖАНИЯ

В КНИГЕ О ПЕРИОДИКАХ

"НОВОЕ НАУКА" ОБЩЕСТВЕННО-ПОПУЛЯРНОЕ

ПРИНЦИПЫ ФИЛОСОФІИ ИСТОРИИ.

Первая книга принциповъ. Основы системы.

Нельзя опредѣлить, какимъ законамъ подчиняется цивилизація въ своемъ развитіи, не восходя къ ея началу. Авторъ доказываетъ сначала необходимость руководиться въ этомъ изслѣдованіи новымъ методомъ, вслѣдствіе неудовлетворительности и противорѣчія всего того, что сказано по древней исторіи до второй пунической войны (глава 1). Онъ излагаетъ затѣмъ въ формѣ аксіомъ общія истины, которыя составляютъ основу его системы (глава 2). Наконецъ авторъ указываетъ на три великіе принципа, откуда выходитъ новая наука, и на методъ, который ей свойственъ (гл. 3 и 4).

ГЛАВА I. Хронологическая таблица. Напрасныя притязанія египтянъ на глубокую науку и на преувеличенную древность. Еврейскій народъ самый древній изъ всѣхъ. Раздѣленіе исторіи первыхъ столѣтій на три періода: 1. Потопъ. Гиганты. Золотой вѣкъ. Первый Гермесъ. 2. Гераклъ и Гераклиды. Орфей. Второй Гермесъ. Троянская война. Греческія колоніи въ Италіи и Сициліи. 3. Олимпійскія игры. Основаніе Рима. Пифагоръ. Сервій Туллій. Гезіодъ. Гиппократъ и Геродотъ. Фукидидъ; Пелопоннесская война. Ксенофонтъ. Александръ. Законы Публиліевъ и Петиліевъ. Война съ Тарентомъ и Пирромъ. Вторая пуническая война.

Въ этой главѣ авторъ мимоходомъ набрасываетъ основы новой критики: 1. Цивилизація каждаго народа была его собственнымъ произведеніемъ, безъ сообщенія извнѣ. 2. Мудрость или могущество первыхъ народовъ преувеличили. 3. Приняли за индивидуумовъ существа аллегорическія или коллективныя (*Геркулесъ. Гермесъ*).

ГЛАВА II. Аксіомы—1—22. Общія аксіомы—23—114. Частныя аксіомы—1—4. Опроверженіе мнѣній, которыя составлялись до сихъ поръ о началахъ цивилизаціи—5—15. Основанія *истиннаго*. Размышленіе о социальномъ мірѣ въ его вѣчной идеѣ—16—22. Основанія *достовѣрнаго*. Наблюденія надъ социальнымъ міромъ въ его реальномъ существованіи—23—28. Раздѣленіе древнихъ народовъ на евреевъ и на язычниковъ. Всемирный потопъ. Гиганты—28—38. Принципъ поэтической теологіи—39—40. Происхожденіе идолопоклонства, прорицанія, жертвоприношеній—41—46. Принципы исторической міеологіи—47—62. Поэтика—47—49. Принципъ поэтическихъ характеровъ—50—62. Продолженіе поэтики. Басня, аллегорія, мысль, выраженіе, пѣсня, стихъ—63—65. Этимологическіе принципы—66—96. Принципы идеальной исторіи—70—84. Происхожденіе обществъ—84—96. Древняя римская исторія—97—103. Переселенія народовъ—104—114. Принципы естественнаго права.

ГЛАВА III. *Три основные принципа*. Религія и вѣра въ Провидѣніе, браки и смягченіе страстей, погребеніе и вѣра въ безсмертіе души.

ГЛАВА IV. *О методѣ*. Точка отправленія новой науки есть первая *человѣческая* мысль, которую люди должны составить себѣ, т. е. идея о Богѣ. Эта наука примѣняетъ сначала *философскія*, потомъ *филологическія* доказательства. *Философскія* доказательства сами суть или теологическія, или логическія. Новая наука есть историческое обнаруженіе Провидѣнія; она намѣчаетъ вѣчный кругъ *идеальной исторіи*, въ которомъ вращается реальная исторія всѣхъ націй. Она опирается на *новую критику*, критеріумъ которой есть *здоровый смыслъ* *человѣческаго рода*. Эта критика служитъ основаніемъ новой си-

стемы международного права. Филологическія доказательства, извлеченныя изъ объясненія басень, изъ исторіи языковъ и проч.

Вторая книга принциповъ. О поэтической мудрости.

Подъ вліяніемъ мысли, что преувеличенное удивленіе къ мудрости первыхъ вѣковъ составляетъ величайшее препятствіе прогрессу философіи исторіи, авторъ изслѣдуетъ, какъ народы поэтическихъ временъ *представляли* себѣ природу, которую еще не умѣли *познавать*. Онъ называетъ эту совокупность древнихъ вѣрованій *мудростью*, а не *наукою*, потому что они имѣли отношеніе, главнымъ образомъ, къ практической цѣли. Въ этой книгѣ онъ обозрѣваетъ всѣ идеи, которыя первые люди составили себѣ о логикѣ и морали, о домашней и политической экономіи, о физикѣ, космографіи и астрономіи, о хронологіи и географіи. Это въ вѣкоторомъ родѣ энциклопедія варварскихъ народовъ. (M. Jannelli. *Delle cose humane*).

ГЛАВА I. *Предметъ этой книги.* § 1. Басни вовсе не имѣютъ таинственнаго смысла, который философы имъ приписали. Провидѣніе вложило въ инстинктъ первыхъ людей зародыши цивилизаціи, которые размышленіе должно было затѣмъ развить.—§ 2. *О мудрости* вообще. Разный смыслъ этого слова въ различныя эпохи.—§ 3. Изложеніе и дѣленіе *поэтической мудрости*.

ГЛАВА II. *О поэтической метафизикѣ.*—§ 1. Происхожденіе поэзіи, идолопоклонства, прорицанія и жертвоприношеній. Достоверность всемірнаго потопа и существованія великановъ. Первые народы естественно и необходимо были поэтами. Легковѣріе, а не обманъ, создало первыхъ боговъ.—§ 2. Заключенія относительно главныхъ взглядовъ новой науки. Философія собственности, исторія человѣческихъ идей, философская критика, вѣчная, идеальная исторія, система естественнаго права людей, начала всемірной исторіи.

ГЛАВА III. *О поэтической логикѣ.* § 1. Опредѣленіе и этимологія слова *логика*. Первые люди обоготворяли всѣ предметы и пользовались именами этихъ боговъ, какъ знаками или

символами вещей, которыя они хотѣли выразить.—§ 2. Заключение относительно тропъ, поэтическихъ метаморфозъ и чудовищъ басни. Происхожденіе главныхъ фигуръ. Эти фигуры языка, эти созданія поэзіи вовсе не замысловатое изобрѣтеніе писателей, какъ раньше полагали, но необходимыя формы, которыми пользовались всѣ націи въ первый періодъ для выраженія своихъ мыслей.—§ 3. Заключение относительно *поэтическихъ характеровъ*, употребляемыхъ первыми людьми въ качествѣ знаковъ языка. Солонъ, Драконтъ, Эзопъ, Ромулъ и другіе цари Рима, децемвиры и т. д.—§ 4. Заключение относительно происхожденія языковъ и буквъ, въ которомъ мы должны находить начало гіероглифовъ, законовъ, именъ, гербовъ, медалей, монетъ. До сихъ поръ не могли найти ни начала языковъ, ни начала письменъ, потому что ихъ искали отдѣльно. Первые люди должны были говорить послѣдовательно на трехъ языкахъ—*іероглифическомъ*, *символическомъ* и *обыкновенномъ*. Обыкновенные языки вовсе не имѣютъ произвольнаго обозначенія. Порядокъ, въ которомъ были найдены части рѣчи въ членораздѣльномъ или обыкновенномъ языкѣ.—§ 5. Заключение относительно поэтическаго выраженія, эпизодовъ, оборота, числа, пѣсни и стиха. Эти украшенія стиля образовались въ началѣ, вслѣдствіе бѣдности языка. Поэзія предшествовала прозѣ.—§ 6. Заключение относительно логики развитыхъ умовъ. Топика зародилась раньше критики. Порядокъ, въ которомъ были употребляемы философіей различные методы. Неспособность первыхъ людей возвыситься до общихъ идей, особенно въ законодательствѣ.

ГЛАВА IV. О *поэтической морали* и началѣ *народныхъ* добродѣтелей, которыя были результатомъ установленія религіи и браковъ. Свирѣпый характеръ и кровавыя религіи людей золотого вѣка. Эти религіи однако были необходимы.

ГЛАВА V. Объ *управленіи семьи* или *экономіи въ поэтическихъ вѣкахъ*.—§ 1. О семьѣ, состоящей изъ родителей и дѣтей безъ рабовъ и слугъ. Воспитаніе духа, воспитаніе тѣла. Первые отцы были въ одно и то же время мудрецами, жрецами и царями ихъ семьи. Строгость семейнаго управленія подгото-

вила людей къ повиновенію гражданскому правленію. Первые люди, поселившись на высотахъ, у верховьевъ рѣкъ утратили, вслѣдствіе менѣе суроваго образа жизни, ростъ гигантовъ. Общность воды, огня, кладбищъ.—§ 2. О семьяхъ, включая сюда не только родственниковъ, но и *служъ* (*famuli*).

Этотъ составъ семействъ предшествовалъ существованію городовъ и безъ него это существованіе было невозможно. Люди, оставшіеся дикими, искали убѣжища у тѣхъ, которые уже образовали семьи, и становились ихъ *кліентами* или *вассалами*.

Первые *герои*. Происхожденіе убѣжищъ, леновъ и т. д.—§ 3. Заключенія относительно договоровъ, которые заключаются по согласію сторонъ. Первые люди не могли знать обязательствъ, основанныхъ на добросовѣстности. У нихъ единственными договорами были только договоры о территориальной, поземельной подати, а вовсе не было общественныхъ договоровъ, не было уполномоченныхъ.

ГЛАВА VI. О *политикѣ*.—§ 1. Происхожденіе первыхъ республикъ въ самой строго-аристократической формѣ. Неограниченная власть первыхъ отцевъ семейства надъ ихъ дѣтьми и надъ ихъ слугами. Они были вынуждены вслѣдствіе возмущенія этихъ послѣднихъ соединиться въ политическую общину. Цари сначала являются только простыми предводителями. Первые комиціи. *Слуги*, получившіе отъ знатныхъ или *героевъ* *бонитарное владѣніе* тѣми полями, которыя они обрабатывали, дѣлаются первыми плебеями и стремятся завоевать вмѣстѣ съ правомъ торжественныхъ браковъ всѣ гражданскія привилегіи общины.—§ 2. Всѣ политическія общества имѣютъ въ своей основѣ извѣстные, вѣчные принципы леновъ. Различіе владѣній *бонитарныхъ*, *квиритарныхъ* и *верховныхъ*. Верховное сословіе знатныхъ сохранило послѣднія, которыя были сначала общимъ правомъ на всѣ помѣстья государства. Оппозиція знатныхъ и плебеевъ, мудрецовъ и черни, гражданъ и гостей или иностранцевъ.—§ 3. О началѣ поземельной подати и общественной казны. Поземельная подать была сначала территориальной податью, которую плебеи уплачивали знатымъ. Позднѣе она уплачивалась въ казну; это аристократическое учрежденіе сдѣ-

лалось, такимъ образомъ, принципомъ демократіи. Наблюденія надъ исторіей владѣній.—§ 4. О происхожденіи коміцій у римлянъ. Этимологія словъ *Curia*, *Quirites*, *Curetes*. Перевороты, которымъ подвергались коміціи.—§ 5. Заключение: Провидѣніе управляетъ обществами; Оно установило естественное право между людьми.—§ 6. Продолженіе *героической* политики. Мореплаваніе одно изъ послѣднихъ искусствъ, которыя развились въ героическія времена. Морскіе разбои и негостепріимный характеръ первыхъ людей. Ихъ постоянныя войны.—§ 7. Заключение относительно римскихъ древностей. Правленіе въ Римѣ было сначала болѣе аристократическимъ, чѣмъ монархическимъ и, не смотря на изгнаніе царей, оно не измѣнило своего характера до той эпохи, когда плебеи приобрѣли право торжественныхъ браковъ и стали принимать участіе въ общественныхъ должностяхъ.—§ 8. Заключение относительно *героизма* первыхъ народовъ. Въ немъ нисколько не было великодушія, безкорыстія и гуманности, мысль о которыхъ слово *героизмъ* вызываетъ въ новыя времена.

ГЛАВА VII. *О поэтической физикѣ*.—§ 1. О поэтической фізіологіи. Первые люди приписывали различнымъ частямъ тѣла всѣ наши интеллектуальныя и моральныя способности. Замѣчаніе о неспособности обобщать, которая характеризовала первыхъ людей.—§ 2. Заключение относительно *героическихъ* описаній. Первые люди приписывали пяти чувствамъ внѣшнія отправленія души.—§ 3. Заключение относительно героическихъ правовъ.

ГЛАВА VIII. *О поэтической космографіи*. Она была пропорціональна узкому умственному кругозору первыхъ людей.

ГЛАВА IX. *О поэтической астрономіи*. Небо, которое люди помѣщали сначала на вышинѣ горъ, возвышалось мало-по-малу въ ихъ мнѣніи. Боги поднялись на планеты, герои—на созвѣздія.

ГЛАВА X. *О поэтической хронологіи*. Ея точки отправленія. Четыре вида анахронизмовъ. Хронологическое правило для опредѣленія начала всемірной исторіи раньше царствованія Нина, откуда она обыкновенно начинается. Изученіе развитія человѣческой цивилизаціи придаетъ новую достовѣрность показаніямъ хронологіи.

ГЛАВА XI. *О поэтической географіи.*—§ 1. Различныя части древняго міра были сначала только частями маленькаго міра Греціи. Гесперія была въ немъ западной частью и т. д. То же самое должно было быть съ географіей другихъ странъ. Герои, которые считаются основателями отдаленныхъ колоній,—Геркулесъ, Эвандръ, Эней и т. д., суть только символическія выраженія характера туземцевъ, которые основали эти города.—§ 2. О названіяхъ и описаніяхъ *героическихъ* городовъ. Смыслъ и производныя слова *ара*.

Заключеніе этой книги. Теологическіе поэты были чувствомъ, философы—умомъ человѣчества.

Третья книга принциповъ. Открытіе истиннаго Гомера.

Эта книга служитъ только приложеніемъ къ предшествующей. Это—примѣненіе того метода, которому тамъ слѣдовали, къ древнѣйшему автору язычества, къ тому, на котораго смотрѣли, какъ на основателя греческой цивилизаціи и слѣдовательно цивилизаціи Европы.

Авторъ берется доказать: 1) что Гомеръ не былъ философомъ; 2) что онъ жилъ въ теченіе болѣе четырехъ вѣковъ; 3) что всѣ города Греціи имѣли основаніе предъявлять на него притязанія, какъ на своего гражданина; 4) что онъ былъ, слѣдовательно, не индивидуумъ, а существо коллективное, *символъ греческаго народа, рассказывающаго свою собственную исторію въ національныхъ тѣсахъ.*

ГЛАВА I. *О философской мудрости, которую приписываютъ Гомеру.* Сила и оригинальность, съ которыми онъ нарисовалъ варварскіе нравы, доказываютъ, что онъ раздѣлялъ страсти своихъ героевъ. Философъ не могъ и не пожелалъ бы описывать столь наивно такіе нравы.

ГЛАВА II. *Объ отечествѣ Гомера.* Вико предполагаетъ, что авторъ или авторы *Одиссеи* имѣли отечествомъ западныя страны Греціи; авторы *Илиады*—Малую Азію. Каждый греческій городъ считалъ Гомера своимъ гражданиномъ потому, что онъ узнавалъ кое-что изъ своего народнаго нарѣчія въ *Илиадѣ* или *Одиссеѣ*.

ГЛАВА III. *О времени, когда жилъ Гомеръ.* Большое число мѣстъ указываетъ на очень различныя эпохи цивилизаціи и заставляетъ думать, что двѣ поэмы были трудомъ многихъ рукъ и были продолжаемы въ теченіе многихъ вѣковъ.

ГЛАВА IV. *Почему гений Гомера въ героической поэзіи не можетъ никогда найти себѣ равнаго.* Это потому, что характеры героевъ, нарисованныхъ имъ, не относятся къ индивидуумамъ, но скорѣе составляютъ народные символы каждаго моральнаго характера. Наблюденія надъ комедіей и трагедіей.

ГЛАВЫ V и VI. *Философскія и филологическія наблюденія,* которыя должны служить къ открытію истиннаго Гомера. Большая часть философскихъ наблюденій входитъ въ то, что было сказано во второй книгѣ о происхожденіи поэзіи.

ГЛАВА VII § 1. *Открытіе истиннаго Гомера:*—§ 2. Все то, что было нелѣпаго и невѣроятнаго въ Гомерѣ, какъ его представляли себѣ до сихъ поръ, становится въ нашемъ Гомерѣ правдоподобіемъ и необходимостью.—§ 3. Можно найти въ поэмахъ Гомера два главныхъ источника фактовъ, относящихся къ естественному праву людей, соблюдаемому у грековъ.

Прибавленіе. Систематическая исторія драматическихъ и лирическихъ поэтовъ. Три вѣка въ лирической поэзіи, какъ и въ трагедіи.

Четвертая книга принциповъ. О ходѣ, которому слѣдуетъ исторія народовъ.

Авторъ вкратцѣ повторяетъ то, что онъ сказалъ во второй книгѣ, прибавляя къ этому нѣкоторыя разъясненія. Въ эго философскихъ изслѣдованіяхъ о *поэтической мудрости* видны были его мнѣнія о вѣкѣ *боговъ* и о вѣкѣ *героевъ*. Онъ ихъ представляетъ здѣсь подъ вполне исторической формой, прибавляетъ общее указаніе о характерахъ вѣка *людей* и даетъ, такимъ образомъ, полный эскизъ *идеальной исторіи*, намѣченной въ аксіомахъ.

ГЛАВА I. *Введеніе. Три рода натуръ, нравовъ, естественныхъ правъ, правленій.*—§ 1. Введеніе.—§ 2. Натура божеская, поэтическая или творческая, героическая, человѣческая и разумная.—§ 3. Нравы религіозные, насильственные, регулиру-

емые долгомъ.—§ 4. Права божеское, героическое, человѣческое.—§ 5. Правленія теократическое, аристократическое, демократическое или монархическое.

ГЛАВА II. *Три вида языковъ и буквенныхъ знаковъ.* Языки и знаки гіероглифическіе, символическіе и эмблематическіе, обыкновенные.

ГЛАВА III. *Три вида законовъ, власти, разума.* Заключение относительно политики и права римлянъ.—§ 1. Закономъ божеское, которое сливалось съ прорицаніемъ; закономъ героическое или аристократическое, строго связанное съ формулами; закономъ божеское, принципомъ котораго служить естественное равенство.—§ 2. Власть въ смыслъ собственности; власть опеки; власть совѣта.—§ 3. Разумъ божескій, узнаваемый черезъ ауспиціи; разумъ государственный; народный разумъ, согласный съ естественною справедливостію.—§ 4. Заключение относительно политической мудрости древнихъ римлянъ.—§ 5. Заключение относительно основной исторіи римскаго права.

ГЛАВА IV. *Три вида судовъ.* § 1. Божьи суды и дуэли. Это несовершенное право было необходимо для спокойствія націй. Существуютъ также суды героическіе, строго согласующіеся съ священными формулами. Суды человѣческіе или произвольные.—§ 2. Три періода въ исторіи нравовъ и законовъ (*sectae temporum*).

ГЛАВА V. *Другія доказательства*, извлеченныя изъ характера, свойственнаго героическимъ аристократіямъ.—§ 1. О защитѣ и охраненіи границъ.—§ 2. О сохраненіи и различіи политическихъ сословій. Ревность, съ которою первоначальныя аристократіи сопротивлялись бракамъ между знатными и плебеями.

Невѣрно понимали *connubia patrum*, которыхъ требовалъ римскій народъ. Почему римскіе императоры благопріятствовали смѣшенію сословій.—§ 3. Объ охранѣ законовъ. Она болѣе или менѣе строга сообразно съ формой правленія. Привязанность римлянъ къ ихъ древнему законодательству была одной изъ главныхъ причинъ ихъ величія.

ГЛАВА VI. § 1. *Другія доказательства*, извлеченныя изъ спо-

соба, какимъ всякое новое состояніе общества комбинируется съ правленіемъ предшествующаго состоянія. Демократія сохраняетъ кое-что изъ аристократическаго состоянія, которое предшествовало и т. д.—§ 2. Естественный законъ, что націи оканчиваютъ свое политическое поприще монархіей.—§ 3. Опроверженіе Бодена, который настаиваетъ, что правленія были сначала монархическими, а подъ конецъ—аристократическими.

ГЛАВА VII.—§ 1. *Послѣднія доказательства.* —§ 2. Заключение: древнее римское право въ свой первый вѣкъ было серьезной поэмой, а древнее законовѣдѣніе—суровой поэзіей, въ которой находимъ первый опытъ судебной метафизики. Древнія формулы были видами драмъ. Правовѣды замѣтили недѣлимость правъ, но не вѣчность ихъ.

Примѣчаніе. Какимъ образомъ у грековъ философія вышла изъ законодательства.

Пятая книга принциповъ. Повтореніе тѣхъ же самыхъ переворотовъ, когда погибшія общества возрождаются изъ своихъ развалинъ.

Такъ какъ большая часть историческихъ доказательствъ, данныхъ до сихъ поръ авторомъ въ подтвержденіе его принциповъ, заимствована изъ древности, то новая наука не заслужила бы имени „*вѣчной исторіи человечества*“, если бы авторъ не показалъ, что отличительныя черты, наблюдаемыя въ древнія времена, появились, большею частью, снова въ средніе вѣка. Онъ слѣдуетъ въ сближеніяхъ своему дѣленію на вѣка: божескій, героическій и человѣческій и заканчиваетъ указаніемъ, что Провидѣніе руководитъ человѣческими дѣлами, потому что во всякомъ правленіи господствовали *самые лучшіе* люди. (Онъ принимаетъ слово *лучшіе* въ очень общемъ смыслѣ).

ГЛАВА I. Предметъ этой книги. *Возвращеніе божескаго вѣка.* Почему Богъ допустилъ, чтобы порядокъ вещей, аналогичный порядку древности, появился снова въ средніе вѣка. Незнаніе письма; религіозный характеръ войнъ и судовъ, убѣжища и т. д.

ГЛАВА II. *Какимъ образомъ націи проходятъ снова, сообразно вѣчной природѣ леновъ, поприще, которое они окончили. Какъ древнее политическое право римлянъ возобновилось въ феодальномъ правѣ. (Возвращеніе героическаго вѣка).* Сравненіе вассаловъ средневѣковья съ кліентами древности, парламентовъ съ комиціями. Замѣчанія относительно словъ *ленная присяга, баронъ*, о прекаріяхъ, о личной коммendaціи и объ аллодахъ.

ГЛАВА III. *Блѣдный взглядъ на политическій міръ,—древній и новый, разсматриваемый по отношенію къ цѣли новой науки (Вѣкъ человѣческій).* Римъ, не встрѣчая никакого внѣшняго препятствія на пути, окончилъ политическое поприще, которому слѣдуютъ націи, переходя отъ аристократіи къ демократіи и отъ демократіи къ монархіи. Сообразно съ принципами новой науки оказывается теперь въ мірѣ много монархій, нѣсколько демократій, почти нѣтъ больше аристократій.

ГЛАВА IV. *Заключеніе. О вѣчной республикѣ, которая основана въ природѣ Божественнымъ Провидѣніемъ и которая есть возможно лучшая во всякой изъ ея различныхъ формъ. Таково резюмѣ всей системы и ея моральное и религіозное объясненіе ¹⁾.*

К О Н Е Ц Ъ.

¹⁾ См. выше, стран. 34—35.

Надлеръ В. К. Профес. Продолженіе «Лекцій по Всемирной Исторіи» профес. М. Н. Петрова [съ 1792 по 1800 г. (стр. 223—304)]. Харьк. 1894 г. цѣна 50 к.

— Лекціи по новѣйшей исторіи (Революціонный періодъ 1789—1815 г.) (печатаются).

Петровъ М. Н. Лекціи по Всемирной Исторіи, т. 2-й. Исторія Среднихъ вѣковъ. Обработан. проф. В. К. Надлеромъ. Харьк. 1888 г. ц. 2 р. 50 к.

— Лекціи по Всемирной Исторіи т. 3-й: Исторія Новыхъ вѣковъ. (Реформаціонный періодъ). Въ обработкѣ В. П. Бузескула. Харьк. 1888 г., ц. 1 р. 50 к.

— Лекцій по Всемирной Исторіи, т. 4-й. Исторія Новыхъ вѣковъ. (Отъ Вестфальскаго мира до эпохи національнаго конвента). Въ обработкѣ проф. В. П. Бузескула. Харьк. 1894 г., ц. 1 р. 75 к.

Сахаровъ А. По русской землѣ. Географическіе очерки и картины для чтенія въ семьѣ и школѣ. Изданіе 2-е. Москва. 1896 г. ц. 1 р. 60 к. Въ первомъ изданіи. *Одобрена* Учен. Комит. М. Н. Пр. для ученическихъ библіотекъ всѣхъ средн. и низш. учебн. зав. Учебн. Ком. Вѣд. по Учреж. Имп. Маріи *одобрена* въ качествѣ пособія при преподаваніи географіи и для ученич. библіотекъ старш. классовъ. Учебн. Ком. при Свят. Синодѣ *допущена* для библіотекъ мужск. духовныхъ и женск. епархіальн. училищъ.

Шилтовъ А. М. Проф. д-ръ. Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьк. 1895 г., ц. 40 к.

Магазинъ снабженъ книгами по всѣмъ отраслямъ знаній, духовной свѣтской и педагогической литературы и имѣетъ большой запасъ учебныхъ книгъ для всѣхъ мѣстныхъ учебныхъ заведеній.

Иногороднимъ высылаются всѣ книги, существующія въ продажѣ.

Г.г. Иногородніе книгопродавцы, какъ на собственныя изданія, такъ и на всѣ книги, изданныя въ Харьковѣ, пользуются обычною уступкою. Всѣ требованія исполняются скоро и аккуратно.

Въ книжномъ магазинѣ А. Д. Карчагина

(Харьковъ, Московская, д. № 6).

ПРОДАЮТСЯ МЕЖДУ ПРОЧИМЪ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

В. П. Бузескулъ. Аѳинская Политія Аристотеля, какъ источникъ для исторіи государственнаго строя Аѳинъ до конца V в. Харьковъ. 1895. Ц. 3 р. 50 коп.

— Обзоръ нѣмецкой литературы по исторіи среднихъ вѣковъ. X. 1885. Ц. 40 коп.

— Научная литература по исторіи Греціи за послѣдніе годы (1880—1892). М. 1893. Ц. 40 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

В. П. Бузескулъ. Исторія Греціи. Лекціи, читанныя въ Импер. Харьк. Унив.

Цѣна 40 коп.